

ИНСТИТУТ
НРАВСТВЕННОСТИ

П.И. ЮНАЦКЕВИЧ
В.А. ЧИГИРЕВ
С.В. ГОРЮНКОВ

ТЕРРОРИЗМ: ПРОФИЛАКТИКА И БОРЬБА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФЕССОРА
В.А. ЧИГИРЕВА

Серия книг:
Теория и методика профессионального обучения
и воспитания взрослых

Санкт-Петербург
2006

УДК 332.856:339.138(075.8)
ББК 65.422.5-2я7
Ю 49

Юнацкевич П.И., Чигирев В.А., Горюнков С.В. Терроризм: профилактика и борьба / Под ред. В.А. Чигирева / Серия книг: Теория и методика профессионального образования и воспитания взрослых. - СПб.: «Институт нравственности», 2006. –60 с.

Рецензенты:

Подобед Владимир Иванович, доктор педагогических наук, профессор, директор ГНУ «ИОВ РАО», председатель постоянной комиссии по образованию взрослых Совета по сотрудничеству в области образования государств-участников СНГ.

Устюжанин Виктор Николаевич, кандидат педагогических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России

В работе показана теория, методология и практика профилактики и борьбы с международным терроризмом. Труд носит фундаментальный характер; по сути, работу можно назвать «Основы международной борьбы с терроризмом».

Книга рассчитана на широкий круг читателей, а также для использования в ходе подготовки и повышения квалификации государственных служащих, осуществляющих мероприятия по защите общественной безопасности.

ББК 65.422.5-2я.

© П.И. Юнацкевич, 2006
© В.А. Чигирев, 2006
© С.В. Горюнков, 2006

ISBN 5-7199-0258-9

Информационное издательство «Института нравственности»
Подписано в печать 17.03.2006. Формат 60х90/8. Объем 3,8 п.л.
Печать офсетная. Бумага 80 г. Тираж 999 экз.,
Благотворительный выпуск для руководителей государственных органов власти и сотрудников правоохранительных органов - добровольцев нравственного пути.
Подготовлено в «Институте нравственности»

КОНЦЕПЦИЯ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

Безнравственные спецслужбы – неэффективны в принципе
В.А. Чигирев

I. ТЕРРОРИЗМ: ИСТОЧНИКИ, МОТИВАЦИЯ, ПУТИ БОРЬБЫ

Общий смысл термина “терроризм” можно определить посредством установления системы признаков, характеризующих в своей совокупности специфику явления. К данным признакам относятся: совершение или угроза совершения общеопасных деяний, направленность их на устрашение населения или какой-то его части, оказание влияния на принятие социально-экономического решения государством, международной организацией, физическим, юридическим лицом или группой лиц. По своей сути терроризм есть проявление политической борьбы с использованием уголовно-противоправных действий. Он является формой “локальных войн” между политическими группировками за передел собственности и ресурсов. Террор носит тотальный, массовый и непрерывный характер, выступая таким образом *универсальным орудием* передела материально-финансового, социального и силового ресурса.

Терроризм – это совершение насилия в отношении намеченной группы людей с целью оказать опосредованное давление на лицо, принимающее решение социально-экономического и политического характера по переделу материально-финансового, социального и силового ресурса. Терроризм предполагает совершение лицом, принимающим решения социально-экономического и политического характера, уступок, выгодных организаторам теракта.

Терроризму свойственен общеопасный характер насильственных действий, могущих повлечь неопределённо большое число невинных жертв и иные тяжкие последствия. Устрашающее воздействие осуществляется на индивидуальном и групповом уровнях. Адресанты воздействия подвергаются опосредованному давлению со стороны населения, ставшего жертвой теракта. Насилие имеет локальное применение и адресовано неподконтрольным органам власти на инвестиционно привлекательной территории. Действия террористов носят публичный характер и детально освещаются СМИ, что усиливает эффект совершения преступления террористической направленности.

Степень угрозы терроризма увеличивается вследствие того, что в руках современных организаторов и исполнителей террористических акций оказываются новейшие технологии в области идеологического, информационного, психического, финансового, радиационного, биологического,

химического и т.п. оружия массового поражения, самые современные виды транспорта и связи, средств технического проникновения и слежения, административный (властный) и правовой ресурсы давления, – **что делает терроризм проблемой не только общенационального, но и глобального характера.**

Главный источник терроризма – это вызванная переделом собственности и материальных ресурсов коррупция, принимающая форму общественных противоречий политического, социального, экономического, структурно-организационного характера.

Доктрина “пропаганды действием” по переделу материально-финансовых, социальных и силовых ресурсов, оправдывающая применение насилия для достижения политических и экономических целей, основана на “сверхвласти денег” (см. Приложение). Этим обстоятельством стимулируется создание двойной морали в государственных органах власти и обществе, морально разлагаются разные слои населения и подготавливается почва для террористической деятельности. Особо опасным является тот факт, что само государство используется как средство передела “материи” и подавления здоровой социальной активности общественных сил различными путями и способами, начиная от административных санкций и кончая уголовно-криминальными преследованиями неугодных лиц.

Субъектами террора выступают религиозно-уголовно-политические структуры, пытающиеся своим образом действий создать подконтрольные им официальные органы власти на территории совершения террористических актов.

К факторам поддержания и стимулирования терроризма относятся:

- многопартийность и многоконфессиональность, в условиях которой отдельные политические партии и конфессии ведут борьбу с использованием открытой конфронтации;

- существование “подполья”, в котором оказались некоторые политические партии, движения и секты, признаваемые неконституционными и внеконфессиональными;

- наличие националистических и религиозных движений, в программах которых имеют место экстремистские антиконституционные положения, предусматривающие насильственную борьбу с “некоренным населением”, с “неверными”, противодействие власти во имя достижения политических и религиозных целей, а также идеологическая обработка социальных сил, которые могут потенциально принять участие в такой борьбе;

- активизация деятельности зарубежных эмигрантских центров экстремистского, националистического и религиозно-фанатического толка на территории России и ближнего зарубежья, что выражается, в частности, в появлении эмиссаров, в том числе специалистов по проведению массовых акций протеста антиправительственной направленности.

Пути борьбы с терроризмом:

1. Преодоление внутриведомственной и вневедомственной разобщенности органов государственной власти, в основе которой лежит скрытая от общественности негласная борьба за передел материально-финансового, силового и социального ресурса.

2. Укрепление взаимодействия органов государственной власти на основе системы непрерывного нравственного воспитания руководителей всех уровней власти, на основе массовой общественно-научной экспертизы решений в области управления собственностью и ресурсами страны.

3. Преодоление межконфессиональных противоречий, создание совместных органов духовного управления, широкий диалог со светскими идеологами, объединение на нравственной и созидательной основе представителей всех религий.

4. В основе действий исполнителей и организаторов террористических актов лежит возможность получения материальной и личной выгоды. Эта возможность санкционирована агрессивной идеологией «набивания собственных карманов любой ценой», захватившей руководителей разных уровней власти. Материальная выгода, «монетарное» мышление выступают основой террористических действий. Ликвидация же этой основы происходит путем углубления демократии за счет организации дискурса руководителей и массовых научно-общественных экспертных советов по всем государственным программам и процедурам их исполнения. Научно-экспертной общественной среде предоставляется право выражения публичного недоверия должностным лицам, что в обязательном порядке должно быть освещено в средствах массовой информации как факт «потери лица» государственного служащего, компрометирующего саму государственную власть.

5. Контроль нелегальных рынков оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ осуществляется специальными службами, кадры которых прошли специальную подготовку и имеют высокие морально-психологические качества, нравственно зрелы и не обременены монетарным мышлением. Они налаживают и поддерживают оперативный контакт с лицами, имеющими в собственности (пользовании, владении, распоряжении) новейшие технологии в области идеологического, информационного, психического, финансового, радиационного, биологического и химического и т.д. оружия массового поражения, самые современные виды транспорта, связи, средств технического проникновения и слежения, административный (властный) и правовой ресурсы давления. Кроме того, деятельность данных лиц является объектом внимания массовых научно-общественных экспертных советов. Таким образом **общество укрепляет свою безопасность, участвуя в массовой экспертизе деятельности лиц, облечённых властью**. Идентификация безнравственных лиц и вывод их из власти осуществляется на основе публичного решения значимой части населения того административно-территориального образования, в котором намечена ротация управленческих кадров. Аналогичным образом и закрепление во власти авторитетных нравственно-зрелых лиц осуществляется на основе публичного решения значимой части населения, которое сопровождается также наделением собственностью, публично признанной обществом через экспертные процедуры легитимной, – что исключает дальнейшую борьбу за ее передел.

6. Основные идеи обеспечения террористической деятельности: идея «всё только для своего кармана», идея «приоритета сверхвласти денег над судебной, законодательной и исполнительной властью» – нейтрализуются за счет запуска в общественное сознание наднациональной, надпартийной, надконфессиональной идеологии нравственности, основанной на применении

фундаментального нравственного закона человечества: ненасесение ущерба себе, ближним, природе, гармония материальных и духовных устремлений и действий, баланс прав и обязанностей. Сочетание непрерывного трудового и нравственного воспитания детей с таким же воспитанием взрослых обеспечивает поддержку новой идеологии, ликвидирует идейную почву подготовки кадров для террористической деятельности.

7. В постиндустриальном обществе ключевую роль играет образование. Это один из важнейших факторов роста общественного самосознания и укрепления демократии. Однако **во многих регионах по-прежнему остро стоит проблема доступности даже начального образования. Это настоящее гуманитарное бедствие.** Ведь массовая неграмотность – это питательная среда для идеологов межцивилизационного раскола, пропаганды ксенофобии, национального и религиозного экстремизма. В конечном счете – для международной террористической деятельности.

Важно сформулировать более широкий и системный подход к образованию во всех регионах страны. В частности, понятие «**образование**», по-видимому, **должно включать в себя** не только “информирование” и привитие различных профессиональных навыков, но и **систему непрерывного нравственного воспитания.**

В условиях растущей мобильности населения нашей страны и устойчивого увеличения миграционных процессов особое значение имеет проблема «вхождения» в инокультурную среду. **Очевидно, что именно и только нравственное воспитание как основа образования способно обеспечить взаимную социальную адаптацию различных культурных, этнических и конфессиональных групп.**

Многие регионы страны испытывают серьезные трудности с внедрением передовых методов образования и информационных технологий. Необходимо более продуктивно задействовать в сфере образования самые современные ресурсы, включая Интернет. Самый актуальный ресурс, который необходимо задействовать в сфере образования – это не «Интернет вообще», но лишь та его часть, которая формирует нравственные образцы жизни человека и общества.

8. Осуществление стратегического инвестирования в функциональное восстановление государственных учреждений социально-культурной сферы (наука, образование, культура, здравоохранение, спорт) создает возможность для сохранения государственных функций нравственного, правового, патриотического, гражданского, культурного воспитания граждан. Восстановленные государственные учреждения социально-культурной сферы явятся материальной базой борьбы с терроризмом в современных условиях.

9. Организационные структуры, создаваемые для борьбы с терроризмом, носят надведомственный общественно-государственный характер и подчиняются Президенту Российской Федерации. Состав лиц, допущенных к организации общественно-государственных структур, утверждается Президентом Российской Федерации. Деятельность данных структур носит открытый характер, направленный на углубление демократии и создание прозрачности решений в вопросах собственности и ресурсов (рис. 1).

Рис. 1.

II. МУНИЦИПАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ БАЗЫ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

С целью создания муниципальных социально-экономических баз борьбы с терроризмом осуществляется функциональное восстановление и развитие «депрессивных» государственных объектов социально-культурной сферы (науки, образования, культуры, здравоохранения, спорта) за счет включения их во вновь создаваемые на инвестиционных условиях и в соответствии с генеральным планом муниципальных образований многофункциональные социальные комплексы (МСК), в которых сохраняется государственное учреждение и его государственные функции нравственного, трудового, патриотического, правового, научного, культурного, гражданского, профессионального воспитания граждан муниципального образования.

Для этого создаются управляющие организационные структуры (дирекции, комитеты, агентства) с передачей им функций управления (сопровождения) реконструкции «депрессивных» государственных объектов социально-культурной сферы.

Обязательным условием развития государственных учреждений социально-культурной сферы является то, что на период реконструкции зданий учреждений культуры предусматривается сохранение организационно-штатных структурных подразделений Государственных учреждений (ГУ), с представлением им возможности выступать Застройщиком на период строительства и реконструкции объекта и выполнять функции дирекции строящегося предприятия с дальнейшей приёмкой в эксплуатацию законченного реконструкцией/строительством объекта (в части социально-культурной составляющей, находящейся в ведении государства).

В целях развития муниципальной социально-экономической базы борьбы с терроризмом возможно стратегическое инвестирование средств стабилизационного фонда РФ, инвестиционных фондов Правительства региона Российской Федерации в государственные объекты социально-культурной сферы, а средств бюджета муниципального образования – в государственные объекты социально-культурной сферы.

Концепция борьбы с терроризмом полностью соответствует социальному пакету приоритетных национальных проектов Президента Российской Федерации, которые определяют социальное самочувствие общества и создают необходимые стартовые условия для развития «человеческого капитала». Президентская программа новой социальной реформы в корне меняет представления о роли отдельного человека как объекта экономической стратегии. Оказалось, что не только большое предприятие или целая отрасль, но и отдельно взятый российский гражданин вполне может быть объектом вложения инвестиций Государства. Инвестиции «в человека» – гуманистический и при этом очень смелый проект Президента Российской Федерации, который открывает новую эру в истории Российского Государства.

Стратегическим инвестором для России может быть только сама Россия. Переориентация существующего хозяйственного механизма в сторону действительно социальной экономики и создания муниципальных социально-

экономических баз борьбы с терроризмом невозможна сегодня без волевых усилий власти по использованию государственных ресурсов в экономически рентабельных и социально-значимых проектах.

В настоящее время в экономике муниципальных образований страны есть области, направляя в которые организационные и финансовые ресурсы, можно достичь существенного социального эффекта и эффекта общественной безопасности с минимальным риском потерь вложений и негативного всплеска инфляции. При этом недопустимо массированное финансирование из государственных средств (в частности, из стабилизационного фонда) социальных выплат, мегапроектов с плохо просчитываемой рентабельностью, всякого рода «глобальных вливаний» в науку с туманным экономическим и социальным эффектом и т.п.

В собственности Государства (в оперативном управлении и хозяйственном ведении различных субъектов) до сих пор находятся десятки объектов социально-культурной сферы, не затронутых стихией приватизации. Большинство из них технически и морально устарели (конструктивный износ близок к 100%) и не могут выполнять своих задач по первоначальному назначению. В то же время инвестиционная емкость этих объектов огромна. Существуют различные схемы «запуска» их в хозяйственный оборот путем создания многофункциональных социальных комплексов (МСК), включающих культурно-бытовые, жилые и другие составляющие с обязательным сохранением государственного учреждения социально-культурной сферы.

Упомянутые государственные объекты социально-культурной сферы расположены в местах с развитой инфраструктурой, своеобразных культурных и демографических центрах, и уже только поэтому являются привлекательными для частных и государственных инвестиций.

«Сверхприбыль» при создании на их базе МСК появляется также за счет своего рода «капитализации воздуха» над объектами, застройки пространства «в высоту», что обеспечивает дополнительные гарантии окупаемости вложенных средств. Кроме того, рентабельность и сроки выполнения каждого отдельного проекта создания МСК достаточно просто просчитываются до начала финансирования работ.

Возможны следующие варианты участия Государства в создании муниципальных социально-экономических баз борьбы с терроризмом:

1. Государство вкладывает только свои организационные и материальные ресурсы: подготовка пакета «разрешительных» документов на реконструкцию объекта под создание МСК и предоставление на инвестиционных условиях самого объекта;

2. Дополнительно к первому варианту Государство вкладывает финансовые ресурсы (государственные гарантии, средства государственных фондов, бюджетов различных уровней), причем использует их следующим образом:

- либо только для «запуска» инвестиционного проекта (в небольших объемах), замещая вложенные на начальном этапе средства частными инвестициями, в том числе и ипотечными кредитными ресурсами, получая запланированную прибыль;

- либо осуществляя полное финансирование проекта по созданию МСК и, таким образом, получая всю прибыль инвестора.

Последний вариант дает возможность Государству активно влиять и регулировать цены на рынке недвижимости.

В каждом из перечисленных случаев необходимо создание организационно-управленческих структур, адекватных решаемым задачам. Формы могут быть различными:

- муниципальные агентства (дирекции) по развитию муниципальных объектов социальной сферы;

- агентство по развитию объектов социально-культурной сферы при Правительстве региона Российской Федерации и т. п.

Возможно государственное воплощение биржевого принципа применительно к объектам недвижимости, когда в обороте находятся пакеты инвестиционных проектов, не сами объекты, а права на них, – создание государственной (в том числе и на муниципальном уровне) «Биржи недвижимости». Такой инструмент представляется необходимым для управления ликвидностью вложений при условии размещения значительных объемов государственных финансовых средств в объекты социальной сферы.

Принципиальным является следующее положение.

Финансовый вклад Государства в легко просчитываемый по рентабельности и срокам реализации проект создания конкретного МСК есть некий «операционный кредит», который гарантированно возвращается после «запуска» процесса создания МСК или по завершении его строительства. Тем самым вложенные в проект средства «стабилизируются» в казне, не вызывая раскручивания инфляционной спирали.

Таким образом, в результате создания МСК Государство получает функционально восстановленный объект социальной сферы и, кроме того, дополнительные средства в виде платежей за инфраструктуру в денежной или иной форме (например, в форме социального жилья), в виде дотаций сотрудникам антитеррористических подразделений, а также сохраняет государственное учреждение социально-культурной сферы и стимулирует осуществление его функций по нравственному, трудовому, научному, культурному, правовому, гражданскому, профессиональному воспитанию детей и взрослых муниципального образования.

Получаемые в этом случае средства будут значительно больше тех, что удалось бы выручить при прямой продаже подобных социальных объектов на торгах.

Активное участие Государства в организации и создании МСК на примере функционального восстановления государственных учреждений социально-культурной сферы наряду с решением важнейших социальных задач по организации общественной безопасности позволяет дать мощный дополнительный импульс развитию такой важнейшей отрасли, как капитальное строительство.

Использование государственных средств в функциональном восстановлении государственных учреждений социально-культурной сферы позволит регулировать рынок недвижимости, может реально улучшить жилищно-бытовые условия граждан, даст им силы и уверенность искать новые

резервы экономического роста без грозящего опасной нестабильностью передела собственности.

Выгоды инвестирования в социально-культурную сферу могут быть продемонстрированы на примере осуществления инвестиционно-строительных проектов (ИСП) на двух пилотных объектах: на государственных учреждениях культуры к/т «Максим» и к/т «Прометей» Санкт-Петербурга, – что явится практическим воплощением изложенных выше положений создания муниципальной социально-экономической базы борьбы с терроризмом в Санкт-Петербурге.

Экономическая модель ИСП включает в себя следующее положения:

- проектируемые комплексы должны включать три основные блока помещений: социальный (культурно-досуговый), торгово-офисный, гостиницы и жилые помещения. При этом площадь жилых помещений должна составлять 30-40% от общей площади объекта;

- площадь помещений социального блока, функционально соответствующая реконструируемому кинотеатру, должна быть не менее площади этого кинотеатра до начала его реконструкции. Указанная площадь в виде действующего, технологически оборудованного учреждения культуры передается государству после завершения строительства нового комплекса (общая площадь каждого из кинотеатров, возведенных по типовому проекту, составляет ~3 600 кв.м). В проекте «Максим» создается Центр духовно-нравственного воспитания;

- инвестиционная емкость проекта создания каждого МСК составляет около 40 млн долларов США;

- срок реализации проекта (применительно к одному объекту) ~3,5 года;

- финансирование инвестиционно-строительного проекта предполагается из двух источников: государственные и частные заемные инвестиционные средства. Рассматриваются два варианта использования возвратных государственных средств: в объеме 5% стоимости ИСП и 100% необходимого финансирования ;

- в экономическую модель ИСП заложены жесткие граничные условия ценообразования: максимальные стоимостные показатели себестоимости строительства и «пессимистичные» прогнозные цены реализации готовых площадей. Вариант использования помещений на условиях аренды не рассматривается.

Результаты расчетов показали высокую рентабельность рассматриваемых инвестиционно-строительных проектов (15-32% годовых) и сверхвыгодность участия Государства в создании муниципальной социально-экономической базы борьбы с терроризмом в Санкт-Петербурге, особенно в малых объемах (до 5%) финансирования ИСП. Это объясняется прежде всего тем, что Государство помимо возврата средств целевого финансирования получает дополнительно: долю прибыли от участия в ИСП, отчисления по инвестиционному договору и – главное – оборудованное на современном технологическом уровне учреждение социально-культурной сферы. Так при 5%-ном участии в финансировании объектов Программы Государство помимо возврата средств получает на каждый вложенный рубль до 6 рублей чистой прибыли.

Полученные дополнительные средства могут быть в дальнейшем reinvestированы в создание следующего объекта муниципальной социально-экономической базы борьбы с терроризмом, а также на строительство муниципального жилья для ветеранов, льготников, малоимущих слоев населения, профессиональных специалистов по борьбе с терроризмом и обеспечению общественной безопасности.

Типовой план функционального восстановления государственных учреждений социально-культурной сферы муниципального образования на период 2006-2010 годы

Постановление Правительства города выпускается целевым назначением на каждое государственное учреждение социально-культурной сферы (далее – ГУ), которому предоставляется право проведения реконструкции объекта недвижимости ГУ за счет привлеченных инвестиционных средств. Инвестор заключает инвестиционный договор на долю инвестиционного проекта, определяемую как разницу между стоимостью проекта и рыночной оценкой объекта недвижимости ГУ.

Также Постановление Правительства города может выпускаться на Инвестора, определяемого на конкурсной основе. В инвестиционном договоре в качестве обременений закладывается требование возведения либо во вновь создаваемом комплексе, либо в другом месте, но расположенном в том же административно-территориальном районе, социально-культурного объекта недвижимости с сохранением и функциональным восстановлением ГУ. При этом дирекцией строящегося предприятия и организацией, принимающей законченный реконструкцией социально-культурный объект, назначается ГУ существующего объекта недвижимости государственного учреждения социально-культурной сферы.

Право проведения реконструкции государственного учреждения социально-культурной сферы с обязательным сохранением и функциональным восстановлением государственного учреждения предоставляется в обязательном порядке всем государственным учреждениям социально-культурной сферы муниципальных образований города.

В постановлении Правительства города приводится перечень объектов, составляющих основу муниципальной социально-экономической базы борьбы с терроризмом, которым выдано право на реконструкцию с условием обязательного сохранения государственного учреждения социально-культурной сферы:

1. Государственное учреждения культуры:
 - 1.1. ГУ ... (адрес);
 - 1.2. ГУ ... (адрес) и т.д.
2. Государственное учреждение науки:
 - 2.1. ГУ ... (адрес);
 - 2.2. ГУ ... (адрес) и т.д.
3. Государственное учреждение здравоохранения:
 - 3.1. ГУ ... (адрес);

3.2. ГУ ... (адрес) и т.д.

4. Государственное учреждение образования:

4.1. ГУ ... (адрес);

4.2. ГУ ... (адрес) и т.д.

5. Государственные учреждения спорта:

5.1. ГУ ... (адрес);

5.2. ГУ ... (адрес) и т.д.

Для обеспечения безопасности процесса создания социально-экономической базы борьбы с терроризмом с руководителями Государственных учреждений социально-культурной сферы в обязательном порядке заключаются бессрочные трудовые договора. Смена руководителя государственного учреждения социально-культурной сферы происходит только по причине стойкой неспособности выполнять возложенные на него обязанности по состоянию здоровья в течение 100 дней. При этом право выдвижения следующего руководителя принадлежит трудовому коллективу государственного учреждения.

III. СОЗДАНИЕ ГОРОДСКОЙ КАДРОВОЙ БАЗЫ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

Создание городской кадровой базы борьбы с терроризмом предусматривает вовлечение руководителей и коллективов государственных учреждений социально-культурной сферы в организацию муниципальной социально-экономической базы борьбы с терроризмом.

Кроме этого, в городах Российской Федерации создаются государственно-общественные научные экспертные советы, выступающие основой кадровой базы борьбы с терроризмом.

Государственно-общественный научный экспертный совет является надведомственным совещательным, консультативным и оценочным государственно-общественным органом по актуальным проблемам развития социальных, экономических и силовых ресурсов города и его муниципальных образований. Он осуществляет свою деятельность в основном на общественных началах. Финансирование деятельности государственно-общественного научного экспертного совета возможно из бюджета муниципальной социально-экономической базы борьбы с терроризмом.

В состав государственно-общественного научного экспертного совета входят ученые и практики, внесшие вклад в развитие социальных, экономических и силовых ресурсов государственных и муниципальных образований Российской Федерации.

В функции совета входит следующее:

1. Осуществление государственной научной и общественной экспертизы программ и проектов развития социальных, экономических и силовых ресурсов муниципальных образований.

2. Нравственная оценка деятельности исполнительных и законодательных органов власти, социальных групп, микрогрупп и отдельных взрослых.

3. Рассмотрение социальных инициатив руководителей и коллективов государственных, общественных и частных организаций.

4. Участие в вопросах оценки обоснования принятия решения государственными, общественными, политическими, частными организациями.

5. Обсуждение, оценка хода и результатов, последствий внедрения решений государственных, общественных, политических, частных организаций.

6. Создание научных профильных комитетов и комиссий при муниципальных образованиях Российской Федерации по научно-общественной экспертизе и общественному обоснованию решений руководителей профильных комитетов и комиссий исполнительных органов власти.

7. Общественно-государственная научная аккредитация и аттестация государственных органов власти на основе принципов нравственности, научности, компетентности, демократичности, социальной направленности и социально-значимой результативности деятельности органов исполнительной и законодательной власти.

8. Общественно-государственное осуждение безнравственности, публичное порицание недостойного поведения руководителей государственных исполнительных и законодательных органов власти, публичное выражение недоверия государственному служащему, дискредитирующему государственные органы власти, публичное поощрение

государственного служащего, достойно решающего актуальные задачи социального развития и общественной безопасности муниципального образования.

9. Участие в работе по повышению квалификации взрослых и переподготовке кадров систем государственной власти, общественной, политической и частной деятельности на основе принципов нравственности, демократичности, научности, компетентности, социальной направленности и социально-значимой результативности деятельности органов исполнительной и законодательной власти.

10. Прогнозирование и обоснование путей развития общественно-государственного партнерства в региональных и муниципальных образованиях Российской Федерации.

Регламент работы государственно-общественного научного экспертного совета здесь подробно не рассматривается.

Научно-методическое и проблемное обеспечение деятельности заседаний общественно-государственного научного экспертного совета готовят инициативные рабочие группы.

Научные эксперты, входящие в состав государственно-общественного научного экспертного совета, могут быть командированы в различные регионы Российской Федерации и за рубеж для изучения опыта общественно-государственного партнерства, образования взрослых в сфере общественно-государственного управления и самоуправления и оказания практической научно-методической помощи.

За практический вклад в развитие системы общественно-государственного партнерства в Российской Федерации, внедрение принципов нравственности, научности, компетентности, демократичности, социальной направленности и социально-значимой результативности деятельности органов исполнительной и законодательной власти специалисты, научные эксперты, входящие в состав общественно-государственного научного экспертного совета, представляются к поощрениям, установленным Правительством Российской Федерации.

Цель деятельности научных комитетов и комиссий Государственно-общественного научного экспертного совета – способствовать тому, чтобы принимаемые и проводимые в жизнь решения законодательных и исполнительных органов города соответствовали принципам нравственности, научности, компетентности, демократичности, общественной безопасности, социальной направленности и социально-значимой результативности деятельности органов исполнительной и законодательной власти.

Для этого члены научных комитетов и комиссий, работая в тесном контакте с соответствующими структурными подразделениями законодательных и исполнительных органов власти города, профильными комиссиями политических партий, общественных и религиозных организаций, объединений и движений, решают следующие научно-практические и социальные задачи:

- на основе анализа текущих задач выявляют проблемы жизнедеятельности муниципальных образований города и области;
- исследуют соответствие решений законодательной и исполнительной властей реальному состоянию дел, их последствиям для будущих поколений;

- определяют эффективность деятельности исполнительных и законодательных органов власти, общественных и политических организаций, физических и юридических лиц;

- готовят научные рекомендации для Государственно-общественного научного экспертного совета по совершенствованию системы управления, ориентации политической, социальной, правовой и экономической деятельности субъектов власти с учетом проведения в жизнь нравственного принципа, общественной безопасности и борьбы с терроризмом;

- повышают эффективность деятельности органов власти города, в том числе и в вопросах борьбы с терроризмом;

- готовят кадровый резерв для замещения вакантных должностей в правительстве города на всех уровнях управления.

Для участия в работе научных комитетов и комиссий Государственно-общественного научного экспертного совета приглашаются представители общественности в качестве общественных экспертов, а в качестве научных экспертов специалисты, имеющие научные степени и звания, опыт профильной деятельности, соблюдающие нравственные стандарты поведения.

IV. УПРАВЛЕНИЕ МЕЖВЕДОМСТВЕННЫМИ ПРОТИВОРЕЧИЯМИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Для разрешения межведомственных противоречий между исполнительными, законодательными и судебными органами власти, для снижения социальной напряженности и улучшения морально-нравственного климата в муниципальных органах власти, во исполнение Указа Президента РФ «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих» № 885 от 2002 года, Послания Президента РФ Федеральному собранию (апрель, 2005), рекомендуется создать комитеты по идеологии. Их задачей явится осуществление морально-этического обеспечения социальных программ, постановлений и распоряжений правительств города и области, нацеленных на повышение качества жизни населения муниципальных образований, а также проведение мероприятий по снижению социальной напряженности и улучшению морально-психологического климата в муниципальных образованиях, по планированию и осуществлению мероприятий борьбы с терроризмом.

Проект положения о Комитете по идеологии правительства города

1. Общие положения

Структурное подразделение «Комитет по идеологии» (далее – Комитет) Правительства города (области, муниципального образования и т.п.) создается в интересах качественной реализации целей и задач, сформулированных концепцией борьбы с терроризмом на территории Российской Федерации, а также в интересах преодоления межведомственных противоречий в государственных органах власти, в интересах повышения эффективности их деятельности.

1.1. Комитет является научно-профильным и экспертным подразделением правительства города (области), работающим на основе принципов бюджетного финансирования, создается, реорганизуется и ликвидируется совместным решением правительства города (области) и созданным государственно-общественным научным экспертным советом города (области).

1.2. В своей работе Комитет руководствуется действующим законодательством, указаниями государственно-общественного научного экспертного совета города (области), настоящим Положением.

1.3. Правительство города (области) обеспечивает необходимые условия деятельности Комитета: выделяет аудиторный фонд, офисные помещения и соответствующее материально-техническое обеспечение.

1.4. Комитет имеет право располагать необходимыми для работы отделами и службами, документооборотом, всеми видами учета и контроля хозяйственной деятельности; он осуществляет взаимодействие с исполнительными, законодательными, судебными органами власти, с

международными структурами, осуществляет подготовку концепции профильной деятельности, нравственного и трудового воспитания взрослых, проводит в данном направлении научную и общественную работу.

2. Цели и задачи Комитета

Основными **целями** Комитета службы являются организация, руководство, координация, контроль и реализация идеологической, научно-исследовательской, учебно-методической деятельности по осуществлению процедур и мероприятий научного обоснования профильной деятельности государственных служащих, их нравственного и трудового воспитания.

Комитет решает следующие **задачи**:

2.1. Совершенствование форм и методов профильной деятельности, а также нравственного и трудового воспитания в сфере государственного управления и государственной службы.

2.2. Разработка и внедрение в научно-исследовательский и воспитательный процесс новых приемов и способов нравственного и трудового воспитания взрослых, коррекции аддиктивного (отклоняющегося от нравственных норм) поведения взрослых;

2.3. Поиск путей и способов совершенствования всех видов деятельности по профильному и нравственному образованию взрослых в сфере государственного управления и государственной службы, аттестации и воспитания государственных служащих на всех уровнях управления городом (областью).

2.4. Научно-практическое обеспечение и сопровождение процесса государственного управления и государственной службы.

2.5. Участие в организации взаимодействия с юридическими и физическими лицами на безвозмездной основе.

2.6. Нравственное воспитание взрослых в сфере государственного управления и государственной службы аппарата управления городом (областью).

2.7. Научная экспертиза образования взрослых в сфере государственного управления и государственной службы.

2.8. Мониторинг качества деятельности взрослых в сфере государственного управления и государственной службы.

3. Функции Комитета

В соответствии с возложенными задачами Комитет осуществляет следующие функции:

3.1. Разрабатывает и совершенствует формы и методы профильной деятельности а также нравственного и трудового воспитания взрослых в сфере государственного управления и государственной службы.

3.2. Разрабатывает и внедряет в научно-исследовательский, учебный процесс, в деятельность управленческих кадров города (области) учебно-методические материалы и разработки.

3.3. Осуществляет поиск путей и способов совершенствования всех видов профильной деятельности государственных служащих, а также деятельности по нравственному и трудовому воспитанию взрослых в сфере государственного управления и государственной службы.

3.4. Осуществляет персональное и групповое консультирование управленческих кадров города (области) по вопросам государственного управления и государственной службы в сфере профильной деятельности.

3.5. Принимает участие в организации взаимодействия с другими профессиональными участниками государственного управления и государственной службы в государствах-участниках стран СНГ.

4. Структура Комитета

4.1. В состав Комитета входят следующие отделы:

- отделы профильной деятельности (экспертиза и научное обоснование профильной деятельности, разработка системы внедрения научных разработок в деятельность профильных комитетов правительств города (области));

- отдел нравственного и трудового воспитания (разработка и осуществление на практике индивидуальных и групповых мер нравственного и трудового воспитания взрослых);

- попечительский совет (координация и содействие деятельности комитета со стороны федеральных служб безопасности);

- отдел кадров (учет, подготовка кадров, координация деятельности отделов).

4.2. Научное руководство деятельностью Комитета осуществляет научный руководитель.

4.3. Основными целями научного руководителя являются:

- организация, руководство, координация, контроль научно-исследовательской и опытной деятельности в сфере профильной деятельности, нравственного и трудового воспитания в процессе государственного и муниципального управления;

- подготовка научных и квалифицированных кадров для профильной деятельности.

4.4. Комитет отчитывается о результатах своей деятельности перед Государственно-общественным научным экспертным советом города (области).

5. Руководство Комитетом

5.1. Непосредственное руководство Комитетом осуществляет руководитель, который назначается и освобождается от должности совместным решением правительства города (области) и государственно-общественного научного экспертного совета города (области).

5.2. Руководитель Комитета имеет право:

- обсуждать, планировать и реализовывать все виды деятельности Комитета;

- совершенствовать взаимодействие с правоохранительными, исполнительными, законодательными, судебными органами власти, международными структурами;

- проводить проверку организации и состояния дел в подразделениях Комитета в пределах своих полномочий;

- осуществлять деятельность Комитета, подписывать и утверждать необходимые для этого документы.

5.3. Руководитель Комитета несет ответственность:

- за обеспечение стабильной и научно-целесообразной деятельности на закрепленных за подразделениями Комитета участках работы;

- за выполнение перспективных и текущих планов работы по взаимодействию с профильными комитетами правительств города (области);

- за законность деятельности Комитета.

Деятельность комитетов по идеологии при правительствах города и области позволит в кратчайшие сроки с минимальными затратами материальных ресурсов существенно повысить дисциплину муниципальных служащих, сотрудников правительств города и области, обеспечить реализацию государственных социальных мероприятий по борьбе с терроризмом, снизить социальную напряженность и улучшить морально-психологический климат в муниципальных образованиях (рис. 2).

Рис. 2

ВСЕ ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ВЫШЕИЗЛОЖЕННОЙ «КОНЦЕПЦИИ
БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ»
ОПИРАЮТСЯ НА ВЫВОДЫ ИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ
«МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРОФИЛАКТИКА»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРОФИЛАКТИКА

1. Понятие “терроризм” как средство манипулирования общественным сознанием

Вопреки широко распространённому мнению, терроризм как форма насилия, *подлежащая безусловному и всеобщему осуждению* – явление по историческим меркам новое (чтобы не сказать – новейшее). «До первой мировой войны терроризм считался орудием левых, поскольку он сопровождался лозунгами о борьбе за народное счастье... С окончанием войны террор открыто взяли на своё вооружение правые: националистические и фашистские движения в Германии, Франции и Венгрии, “железная гвардия” в Румынии». А после второй мировой войны «терроризм в отдельных его проявлениях взяли на вооружение спецслужбы ряда государств» («Терроризм как угроза национальной безопасности. Отечественный и зарубежный опыт. М. 2003). Насколько допустимым и оправданным считался терроризм в международной политической жизни ещё совсем недавно, говорит уже то, что «Израиль последовательно уничтожал и ослаблял умеренную часть палестинского движения сопротивления, возвращивал и провоцировал палестинский терроризм. Это – общий вывод еврейских и американских учёных, изучавших цели израильской интервенции в Ливан в 1982 г.» (С.Кара-Мурза. «Евреи, диссиденты и еврокоммунизм». М. 2001).

Придание “терроризму” образа некоей *высшей формы абсолютного мирового зла* произошло лишь в самое последнее время – в связи с распадом биполярного мирового порядка (см. «Декларацию о мерах по ликвидации международного терроризма», принятую Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1994 г.). Это заставляет усматривать в современном “терроризме” инструмент манипулирования общественным сознанием – средство управления им, задающее систему *оценочных* координат. Во всяком случае, показательно, что любые попытки научного, строго методологического разграничения понятий “политической борьбы с использованием средств вооружения”, “политического терроризма” и “политического бандитизма” наталкиваются на непреодолимые трудности.

Безусловно, верным представляется одно: в политических режимах диктаториального типа, направленных на поддержание внутреннего порядка, говорить о “терроризме” не приходится, – там уместен лишь разговор о “бандитизме”. И наоборот: стоит лишь такому режиму ослабеть, как статус

“бандитизма” тут же повышается до статуса “терроризма”, из которого, в свою очередь, начинает выделяться его “политический” аспект, с тем, чтобы назваться потом “протестным движением”, “гражданским сопротивлением” и, наконец – “борьбой за социальное, национальное или религиозное освобождение”.

Приходится думать, что “терроризм” – это не более чем одна из многих форм насильственной борьбы за определённые идеалы или интересы, которая, в зависимости от политической конъюнктуры и расклада мировых сил, окрашивается в общественном сознании в положительные или отрицательные тона. Это лишь одно из многих внешних выражений тех целей, которые ставит перед собой та или иная, актуализирующаяся в данный момент на арене общественной жизни, сила. Но поэтому и отношение общества к “терроризму” определяется, в конечном счёте, теми конкретными результатами, которые он несёт в себе как составная часть “идеологической сверхвласти” – власти господствующих над обществом идей.

В XX веке мы неоднократно наблюдали проявление в общественной жизни феномена *идеологической сверхвласти*, широко практиковавшей терроризм. Один из таких примеров даёт нам изначально бесчеловечная идеология германского национал-социализма – идеология разделения людей на “господ” и “рабов”, идеология, трагически отозвавшаяся в миллионах человеческих судеб минувшего столетия. Другой пример мы имеем в идеологии, диаметрально противоположной по заявленным идеалам первой – в идеологии построения светлого коммунистического будущего. По степени своей судьбоносности эта идеология, при всей ущербности её теоретического обеспечения и при всех трагических издержках её практического воплощения в жизнь, тоже имела очевидные признаки *идеологической сверхвласти*, способной управлять миллионами человеческих судеб. Наконец, с конца XX столетия мы наблюдаем повсеместное торжество идеологии либерализма – идеологии свободы от нравственного поведения, от моральных обязательств, от ответственности и обязательств перед людьми: идеологии безграничной свободы во имя личного обогащения любой ценой. Несомненно, что и в этом третьем случае перед нами – очередная *идеологическая сверхвласть*, имеющая своей функцией управление миллионами человеческих судеб. И жертв на совести этой третьей сверхвласти ничуть не меньше, чем на совести первых двух.

Подлинно научное изучение феномена идеологической сверхвласти – впереди. Но уже сейчас ясно, что перед нами – проявление каких-то глубинных законов ноосферы: вне периодически вспыхивающей пассионарности народов, вне стихийного *перебора форм духовного бытия*, вплоть до диаметрально-противоположных, взаимно исключающих друг друга вариантов этих форм, нет и не может быть самой человеческой истории.

Но ясно и то, что *стихийный перебор вариантов слишком дорого нам обходится*. И если справедлива научная гипотеза, согласно которой суть глобального исторического процесса неотделима от перевода бессознательных форм человеческого бытия в его осознанные формы, то мы, действительно, встаём перед насущной проблемой постановки процесса перебора *вариантов собственного духовного бытия* под разумный контроль. А это означает неизбежность постановки вопроса о создании *идеологической сверхвласти*

нравственности, т.е. такой сверхвласти, цена за торжество которой оказалась бы для человечества не столь высока, как в первых трёх случаях.

Возможна ли *идеологическая сверхвласть нравственности* в принципе? И, в частности, возможна ли она как средство профилактики международного терроризма? Ответ на эти вопросы предлагается ниже. Но это – такой ответ, который подразумевает предварительное избавление от тех очень многих политических, научно-теоретических да и просто обывательских штампов сознания, на основе которых произрастает современное представление о “международном терроризме”.

2. Многоаспектность феномена терроризма

Единого понимания природы терроризма в мире до сих пор не выработано, хотя как способ достижения политических целей насильственными средствами терроризм существует с незапамятных времён. Очевидно лишь, что основной формой противодействия терроризму должно стать устранение порождающих его предпосылок. Но, поскольку существует свыше 100 определений “терроризма”, то о сколько-нибудь ясных предпосылках этого явления говорить не приходится. Налицо лишь тенденция сводить проблему терроризма к разнообразно-мотивированным проявлениям асоциальности отдельных личностей или их групп.

Именно поэтому, когда сегодня поднимается вопрос о борьбе с терроризмом, то имеются в виду главным образом формы и способы борьбы с отдельно взятыми, конкретными проявлениями терроризма. То есть, единственным эффективным средством противостояния террористическому беспределу принято считать повышение уровня и качества операций типа “антитеррор” с использованием войсковых подразделений специального назначения. Подразумевается, что чем хитроумней будет продумана спецоперация, чем совершенней будет её материально-техническое обеспечение и чем более профессиональный будет задействован в ней кадровый состав – тем гарантированной окажется и успех самого антитеррористического предприятия.

С этим, наверное, можно было бы согласиться, если бы терроризм и вправду был тем, чем он с подачи политиков и СМИ кажется на первый взгляд: агрессивно и корыстно мотивированным проявлением человеческой асоциальности. К сожалению, ситуация намного сложнее. Степень сложности видна уже из смысловой неоднозначности и многоаспектности феномена международного терроризма, берущего на вооружение самые разные лозунги и знамёна: народного счастья (как в России второй половины XIX в.), фашизма (как в западноевропейских странах первой половины XX в.), национального сепаратизма, радикального исламизма и др. То есть, те, кого называют террористами, никогда не бывают безыдейными; их позиция всегда мотивирована (искренне или притворно) не только личными интересами, но и интересами тех, кого они считают своими идеологическими

единомышленниками. Не существует сколько-нибудь серьёзных террористических организаций, чья программа не сводилась бы к требованиям социального, национального или конфессионального характера.

Способностью всех этих программ спланировать на своей основе и отобилизовать на вооружённую борьбу огромные человеческие массы определяется и такая сторона современного терроризма, как его установка на захват политической власти, на перекаривание политической карты мира. Оценивая опыт оппозиционных вооружённых движений во многих странах мира, можно с большой долей уверенности утверждать, что их конечная цель заключается в свержении находящегося у власти правительства или создании в стране кризисной ситуации, создающей условия для правительственного переворота.

Ярко выраженный идеологизм и установка на захват политической власти – это два самых верхних смысловых слоя того явления, которое принято называть “международным терроризмом”. А чтобы разглядеть другие слои, нужно понять, какими идеологическими смыслами мотивируется противоположная терроризму – антитеррористическая деятельность.

Здесь нужно знать следующее. «В 80-е гг. прошлого столетия, когда глобализация терроризма начала набирать силу, мировое сообщество опоздало с координацией своих усилий против этой угрозы. Это обуславливалось *активным использованием рядом государств террористических организаций для достижения своих политических целей...* Кроме того, не была чётко определена разница между национально-освободительным движением, борьбой за права человека и терроризмом.

Первым шагом осознания угрозы мировому сообществу со стороны терроризма стала “Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма”, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1994 г. (...). В ней Генеральная Ассамблея выразила глубокую обеспокоенность продолжающимися во всём мире актами международного терроризма во всех его формах и проявлениях, включая те, в которых прямо или косвенно участвуют организации на государственном уровне. В резолюции прямо указывалось, что теракты ... направлены на подрыв конституционного строя государств и посягают на их безопасность, *нарушая основные права человека*... В постановляющей части резолюции Генеральной Ассамблеи, в частности, указывалось: «Акты, методы и практика терроризма представляют собой грубое пренебрежение целями и принципами Организации Объединённых Наций, что может угрожать международному миру и безопасности, ставить под угрозу дружественные отношения между Государствами, препятствовать международному сотрудничеству и *вести к подрыву прав человека, основных свобод и демократических основ общества*» («Терроризм как угроза национальной безопасности государства»). В остальных пунктах постановляющей части резолюции содержались, наряду с декларационными и “техническими” замечаниями, *призывы к государствам не способствовать терроризму.*

В развитие этих положений 28 сентября 2001 г. Совет Безопасности ООН принял антитеррористическую резолюцию 1373, в которой указал на необходимость квалификации террористических актов как *серьёзных уголовных правонарушений во внутригосударственных законах и*

положениях. А в ноябре 2001 г. шестой комитет Генеральной Ассамблеи ООН принял резолюцию, в которой ещё раз призвал государства *«воздерживаться от финансирования, поощрения, подготовки или оказания какой-либо поддержки террористической деятельности»* («Терроризм как угроза национальной безопасности. Отечественный и зарубежный опыт». М. 2003).

Из процитированных текстов можно понять, что:

- международный терроризм – это прямое продолжение “большой политики”, в котором изначально не определена разница между национально-освободительным движением, борьбой за гражданские права и собственно - терроризмом;
- одним из средств борьбы с международным терроризмом служит попытка его квалификации как “уголовного правонарушения”;
- мотивация борьбы с международным терроризмом строится главным образом на признании необходимости защиты прав и свобод человека.

Идеология защиты “прав и свобод человека” считается в современном цивилизованном обществе ценностью наивысшего порядка. Собственно говоря, она и выстроена под парниковые условия цивилизованного (“золотомиллиардного”) общества, – ведь голодным не до прав и свобод. А поскольку высокий уровень материального благосостояния стран цивилизованного мира – это результат их неэквивалентного товарного обмена со странами всего остального мира, то и сама освящающая данное положение вещей идеология оказывается на проверку ничем иным как “правом сильнейшего”, закамуфлированным под белые одежды “прав и свобод личности”. Но тогда и идеологию “антитерроризма” *оказывается возможным понять как обычный инструмент охраны “права сильнейшего” диктовать слабейшему свою волю.* Во всяком случае, конфликт между голодающим большинством населения планеты и так называемым “золотым миллиардом”, проживающим в США и Западной Европе, очень показательно дублирует оппозицию “терроризм - антитерроризм”.

Налицо, таким образом, основание утверждать, что **“цивилизованный терроризм в маске антитерроризма” – это третий смысловой слой феномена “международного терроризма”**. О масштабах этой формы терроризма можно судить и по Афганистану, где движение «Талибан» было разгромлено лишь после того, как попыталось покончить с наркоторговлей, и по Ираку, право которого на собственную нефть было очень убедительно оспорено более сильным конкурентом, и по Югославии, возмнившей себя слишком уж независимой. А на критерии, предпочтения и цели этой формы терроризма проливают свет, в частности, такие нормы поведения “цивилизованного” сообщества, как, с одной стороны, поощрение расстрела Ельциным законно избранного парламента, а с другой – демонизация не желающего идти по этому же пути Лукашенко.

Насколько неразличимы между собой террористическая и антитеррористическая (правозащитная) сферы деятельности по конкретным методам их осуществления, свидетельствуют инструкции для воинских

формирований по борьбе с терроризмом. Согласно этим инструкциям, «среди долгосрочных целей террористов, как правило, присутствуют следующие:

- 1) Вызвать кардинальные изменения государственного строя, спровоцировав беспорядки, гражданскую войну или международный конфликт.
- 2) Подорвать и дискредитировать систему государственных и правоохранительных институтов и их инфраструктуру в целях поддержки повстанцев.
- 3) Оказать влияние на решения правоохранительных органов на местном, национальном или международном уровне.
- 4) Добиться политического признания как законного представителя этнической, национальной или религиозной группы».

(«Терроризм как угроза...»).

Заменим “повстанцев” приведённой цитаты на “диссидентов”, “протестный электорат” и т.п., и мы увидим, что по точно такому же алгоритму развивались с конца прошлого века в СССР и продолжают развиваться сегодня на постсоветском пространстве абсолютно все “социально-реформаторские”, “национально-освободительные”, “религиозные” и прочие “революции”, “движения” и “сопротивления”.

Идеологическое прикрытие в форме “антитерроризма” необходимо “цивилизованному” сообществу потому, что выступающим от имени этого сообщества политикам свойственно нуждаться в моральном оправдании своих не всегда приглядных действий. Никто не желает считать себя террористом даже тогда, когда ведёт себя как самый откровенный террорист; он всегда ищет каких-то оправданий. А самый лёгкий путь морального оправдания для террориста заключается в объявлении “террористом” своей жертвы. Вот почему сам **идеологический ярлык “терроризма”, наклеенный на разного рода протестные движения в “нецивилизованном” (традиционном) мире, нужно считать четвёртым смысловым слоем того явления, которое принято сегодня называть “международным терроризмом”**. Это – самый опасный, информационный терроризм, воздействующий через тенденциозные СМИ на сознание миллионов, изначально навязывающий им ложные оценки и ориентиры.

Но промывание мозгов средствами СМИ – это деятельность, достигающая своих целей далеко не всегда (хотя бы в силу того, что мир – это арена для достижения довольно-таки разнонаправленных целей). Заставить людей поверить в то, что исходящий из “нецивилизованных” стран терроризм – это **единственное в своём роде, абсолютное зло**, средства массовой информации смогут лишь в том случае, если сама данная форма терроризма наглядно будет демонстрировать перед всем миром свою неприглядность. Вот почему **разложение разного рода протестных движений внутри уголовным элементом, проплаченным наёмничеством и т.д. – это пятый смысловой слой того явления, которое принято сегодня называть “международным терроризмом”**. Поощрение слияния террористических организаций с организованной преступностью, инициирование по всему миру разного рода марионеточных, провокаторских “организаций” и “движений”, призванных

запугать, дезориентировать, отвлечь внимание, внушить ненависть и отвращение, создать образ “козла отпущения” – является важнейшей составной частью политики “цивилизованного терроризма в маске антитерроризма”. А наличие в странах “третьего” мира (в их городской среде) люмпенизированной, асоциальной кадровой базы терроризма, возвращаемой на почве нищеты, неграмотности и безработицы, существенно облегчает эту политику.

Криминальная среда как питательная почва для терроризма объясняет и такую сторону психики террористов, как *экстремизм* – радикальное отрицание существующих в обществе норм и правил поведения со стороны отдельных лиц, групп и слоёв населения. Ментальной почвой для экстремизма служит доведённая до крайности индивидуалистическая форма самосознания – “Я, считающее себя абсолютно не связанным с не-Я”. Установка на такое “Я” оборачивается наличием у большинства террористов презрения к своим жертвам, стремлением к их психологическому подавлению, чувством превосходства и патологической агрессивностью в их отношении, т.е., в конечном счёте – техникой моральной самозащиты, позволяющей оправдывать любые, сколь угодно бесчеловечные действия, направленные на окружающих и среду обитания. **В экстремизме как особом психическом складе, способном принимать самые разные формы и обличья (в зависимости от условий времени и места), можно усматривать шестой смысловой слой явления, называемого сегодня “международным терроризмом”.**

Наконец, существенно и то, что уголовно-экстремистские образования имеют тенденцию выходить из-под контроля, менять “хозяев”, вести свою собственную “игру”, прикидываться не тем, что они есть в действительности – чем в конечном счёте и определяется внешне-воспринимаемое лицо международного терроризма. Это – **седьмой смысловой слой явления**, завершающий штрих в создании виртуального портрета *нецивилизованного терроризма как единственного и абсолютного мирового зла*.

Разумеется, далеко не виртуальной оказывается при этом практическая деятельность террористов, будь-то раздувание искр национализма и сепаратизма в отдельных странах, или разжигание межнациональных конфликтов на религиозной почве, или же игра на “болевых точках” современности: на противоречиях между отдельными социальными группами населения, на ошибках проводимой властями внутренней политики, на нежелании или неспособности правящих элит своевременно принимать нужные решения, на их стремлении разрешать конфликты исключительно силовым путём.

Всему этому государства-жертвы терроризма вынуждены противостоять. Но в процессе противостояния они наталкиваются на противоречие между **реально наблюдаемым международным терроризмом, образуемым совокупностью его “цивилизованных”, протестных и уголовно-экстремистских форм (в их разнообразных комбинаторных сочетаниях друг с другом и с установками на идейность, на захват политической власти, на владение информационным оружием и др.), и его официально-декларируемой, принятой в международно-дипломатическом обиходе**

трактовкой как только лишь противоправного (уголовно-экстремистского) явления.

Это противоречие, конечно же, серьёзно затрудняет выбор адекватной стратегии и тактики борьбы с терроризмом.

3. Терроризм как инструмент теневого управления

Все вышеперечисленные и многие другие формы практической деятельности террористов ведут к одному и тому же видимому результату – ко всё более и более широко распространяющемуся по планете *управляемому хаосу*. А это значит, что **явление, называемое сегодня “международным терроризмом”, на самом деле оказывается возможным интерпретировать как один из ключевых инструментов теневого управления миром посредством политики *управляемого хаоса*.**

Разумеется, говоря об “управлении миром”, мы не имеем в виду ни какое-либо конкретное государство современного мира, ни даже пресловутое “мировое правительство” (которое, с нашей точки зрения, как реально существующий орган административного регулирования есть фикция). Мы говорим о транснациональных корпорациях (ТНК), которые хотя и претендуют на роль *хозяев мира*, но при этом никаким настоящим управлением *вне себя* никогда не занимаются, подменяя его в своих корыстных интересах *управляемым хаосом*.

Объяснимся подробнее. В современном массовом сознании политическая карта мира выглядит как совокупность более или менее суверенных государств, где экономически развитые страны суверенны в большей, а экономически неразвитые – в меньшей степени. Между тем действительная картина весьма далека от предполагаемой. На самом деле “государство” – это всего лишь одна из многочисленных форм организации в ряду других аналогичных форм: от кратковременной “толпы”, создаваемой по определённым технологиям в тех или иных политико-тактических целях, до транснациональных корпораций (ТНК), с разнообразными промежуточными формами (“союз садоводов России”, “общество кришнаитов”, “международное движение зелёных” и т.п.). И если в предыдущие века образцы эффективности по части управления обществами задавали “государства” (что и фиксируют штампы массового сознания), то современный политический пейзаж характеризуется уже иной расстановкой сил.

Главными “героями” в новой расстановке сил являются транснациональные корпорации (ТНК) – самые мощные из всех существующих ныне организаций. Таковыми они стали благодаря использованию тех методов управления, которые исторически зарекомендовали себя как наиболее эффективные. Вот почему деятельность сегодняшних ТНК немыслима без опоры на идеологическое обеспечение, без приоритета общего над частным,

без достаточно жёсткого управления, без коллективного обсуждения проблем и без персональной ответственности за принимаемые по ним решения.

Именно потому, что ТНК стали самыми эффективными (с управленческой точки зрения) организациями, они всё более успешно начинают диктовать свою волю остальным организациям – национальным и многонациональным государствам. Всеми возможными средствами влияния ТНК, в буквальном смысле слова, предписывают государствам запрет на те формы идеологического обеспечения управления, благодаря которым сами окрепли. Налицо, таким образом, своего рода недобросовестная конкуренция, в ходе которой из законодательной базы всё большего числа государств исчезает право на господствующую идеологию, на жёсткое управление, на действенный контроль за частным бизнесом. Эта конкуренция объясняет, почему средства массовой информации сплошь и рядом проводят политику разрушения охранительных устоев общества, исполняя антисистемный, антисоциальный и антигосударственный заказ ТНК.

Независимыми и дееспособными в этой ситуации остаются лишь те страны, которые находят в себе волю и силы быть настоящими “корпоративными государствами” – организационными структурами, обладающими всеми теми эффективными методами управления, право на которые пытаются монополизировать ТНК. Серьёзный анализ послеперестроечных событий в России и за рубежом это подтверждает. «Во многих странах переход к рыночной экономике привёл не к взрывному росту производства, как это было обещано, а к падению доходов по сравнению с допереходным периодом. Сегодня провал шоковой терапии является общепризнанным: страны, избравшие постепенный переход, сделавшие упор на создание институциональной инфраструктуры, включающей правовую систему решения проблем *корпоративного управления*, в общем и целом добились лучших результатов» (Джозеф Ю. Стиглиц. Человеческое лицо глобализации // Политический журнал, №7, 2004). «Не только в России, но и в других странах свободное движение капитала затрудняет меры по перераспределению благ, меры, призванные сделать распределение более “честным”, равномерным, таким, которое поддержало бы институты демократии. Опасения, что в условиях свободного движения капитала Уолл-стрит приобретает неправомерно большое значение на выборах в других странах, ясно подтвердились в Бразилии. *Китайский опыт свидетельствует о том, что страна может внедрить контроль за движением капитала и при этом привлечь большие объёмы прямых иностранных инвестиций. И Китай, и Малайзия показали, что подобное вмешательство государства может быть организовано без коррупции и значительных отрицательных побочных эффектов*» (там же; выделено нами).

Наше государство исторически складывалось как сверхкорпорация. Сегодня оно утратило признаки корпоративного устройства. Тем острее стоит перед ним задача их восстановления в современных условиях глобализационного процесса. Ясно, что восстановление эффективного управления и повышение его профессионального уровня, а, следовательно, обуздание таких всемирно-универсальных явлений, как, с одной стороны, коррупция, а с другой терроризм – *возможны только корпоративными методами.*

Но ведь главное в корпорации любого уровня, включая ТНК – это идеология. Любая организация начинается с фиксации какого-то очень важного для неё смысла, интереса, идеи. И чем организация больше – тем значительнее руководящие ею смыслы, интересы, идеи, – вплоть до определяющей “лицо” организации идеологии. Предельно же обобщённых, максимально широких идеологий, доведённых до статуса “высших общечеловеческих ценностей” – в мире только две: идеология обогащения любой ценой и идеология совести, нравственности.

В ТНК, изначально возникших как инструменты господства над миром посредством финансов, принята на вооружение идеология первого типа. А в государствах, с их традиционной ориентированностью также и на решение социальных проблем, никогда до конца не исчезала, да и в принципе не может *окончательно* исчезнуть, идеология второго типа. Этим во многом объясняются иногда явные, а ещё чаще неявные идеологические противоречия между ТНК и государствами – **противоречия, могущие быть снятыми лишь в условиях перманентного управляемого хаоса.**

УПРАВЛЯЕМЫЙ ХАОС, РЕГУЛИРУЕМЫЙ ПОСРЕДСТВОМ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ, ОРГАНИЗАЦИОННЫХ МЕРОПРИЯТИЙ И ФИНАНСОВЫХ ВЛИВАНИЙ – ЭТО И ЕСТЬ, С НАШЕЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ, ТА ЦЕЛЬ, НА КОТОРУЮ “РАБОТАЕТ” В ИНТЕРЕСАХ ТНК МЕЖДУНАРОДНЫЙ ТЕРРОРИЗМ. Не случайно и сам он в организационном смысле – не что иное как своего рода *транснациональная корпорация: “транснациональный террористический интернационал” (ТТИ).*

Сказанному ничуть не противоречит и такое самостоятельное по внешней видимости проявление международного терроризма, как его *исламская* разновидность. В основе этой формы терроризма лежит восходящая ко временам колониализма претензия к “цивилизованному” миру, усугублённая незрелостью политических и социальных структур мусульманского общества и “протестантистскими” тенденциями развития самого мусульманского фундаментализма (ваххабизм). А подлинные причины возникновения исламского терроризма объясняются тем, что образуемое им территориальное “поле напряжения” совпадает с районами, где находятся залежи энергоносителей и проходят пути их транспортировки. Во всяком случае едва ли случайно, что основные ударные силы исламского терроризма (как и их лидеры вроде Усамы бен Ладена) “поставлены на ноги ” ещё во времена холодной войны – во времена противостояния двух сверхдержав XX столетия.

4. Терроризм как порождение “правовой культуры”

На первый взгляд характеристика терроризма как явления, производного от “правовой культуры”, может показаться нелепой: ведь “правовая культура” в современном массовом сознании ассоциируется с “общественным порядком”, а терроризм – с чем-то прямо противоположным порядку. Поэтому заявленная

характеристика терроризма нуждается, конечно же, в своём обосновании через предварительное разъяснение понятий “права” и “правовой культуры”.

Из “права” сегодня сделан культ; очень много говорится и пишется о нашем “правовом бескультурье”, о том, что мы никогда не жили в настоящем “правовом обществе” и никогда не обладали развитым “правовым самосознанием”. С этим надо согласиться: действительно, в тех формах, в которых “правовое общество” и “правовое самосознание” существуют на Западе, нам ни то ни другое до сих пор не знакомо. И это было бы очень плохо, даже трагично, – если бы общественные отношения и в самом деле регулировались одним лишь “правом”. Но, к счастью, в общественных отношениях существует и такая их сторона, которая “правом” принципиально не регулируется.

Выявить эту сторону легко: достаточно сравнить мышление поклонников “чисто правовой культуры” с мышлением детей. Ребёнок, например, способен очень быстро усвоить ту истину, что каким бы сверхзаконным правом на свою игрушку он ни обладал, но если мальчик, с которым он “водится”, сильнее его да к тому же ещё и “плохой” (т.е. если он не воспитан в идеалах совести, справедливости и нравственности), то он эту игрушку всё равно отнимет. Поклонники же “чисто правовой культуры” начали перестройку с того, что решили обойтись без идеалов (помнится, в конце восьмидесятых громко заявила о себе в качестве перестроечного манифеста статья “Идеалы или интересы?”, где утверждалась ценность для общества одних лишь отрегулированных на основе права “интересов”). А когда у подавляющего большинства таких праволюбов отняли любимую игрушку – идеал социальной справедливости, они с видом оскорблённой невинности стали жаловаться: «Мы же не этого хотели, мы думали, что всё будет совсем по другому!» (в таком духе выступал по телевидению один известный петербургский кинорежиссёр). И это вовсе не случайная промашка поклонников “чисто правовой культуры”, а естественное следствие их идеологической ориентированности “только на право”. Идеалы же совести, справедливости и нравственности для них – не более чем досадная помеха на пути построения в России “цивилизованного правового общества”.

Между тем для традиционно русского образа мышления всегда типично было как раз полнейшее отсутствие иллюзий относительно “чистого права”. Если заглянуть в древнерусские летописи, то можно увидеть, что слово, переводимое сегодня как “право”, раньше звучало как “власть” или “воля”. Такое понимание “права” гораздо ближе к сути дела, чем нынешнее. В своей откровенно-циничной форме оно могло бы даже звучать по-бисмарковски: «Право – это юридически санкционированная сила» (т.е.: кто сильнее, тот и устанавливает выгодные для себя “правила игры”). Но цинизм был несвойственен русской культурноисторической традиции; это подтверждается тем определением “права”, которое зафиксировано в словаре В.Даля: «Право – это власть и воля *в условных пределах*».

“Условные же пределы” человеческому самовластью и самовольству задавали в русской традиции другие понятия – “правда” (с однокоренными ей “справедливостью” и “праведностью”) и неотделимые от неё “совесть”, “нравственность”. На самостоятельную сущность “правды” (как “истины, окрашенной совестью, нравственным началом”) указывает широчайший круг

источников по истории русской духовной культуры. Здесь и доправовые формулы юридических документов X века («да погубит правду свою» – о нарушителе договора, не подпадающем под формальное уголовное преследование), и приписываемый Александру Невскому афоризм «не в силе Бог, а в правде», и памятники народного фольклора («Спор Правды с Кривдой», «Легенда о горе Судоме» и др.). Даже такие русские пословицы, как «правда суда не боится», «правда не судима», «на правду нет суда» – ясно показывают, что «правда» и «право» всегда осознанно воспринимались нашими предками как несводимые друг к другу понятия.

Хотя данные русского языка дают иногда повод к смешиванию «правды» и «права» («Русская Правда» – сборник древнерусских законов; «стать на правду» – идти на суд; «правдовать» – начальствовать, управлять, судить да рядить и др.), но такое смешивание проистекает из обычной для древности идеи *немыслимости суда без правды* («творить суд и правду», «судить по правде»). В этом убеждают и те языковые данные, которые указывают на «правду» как на независимое от «права», хотя и тесно с ним связанное, явление («правда суда не боится», «правда несудима», «на правду нет суда»). Наконец, существенно и то, что «правда» не обязательно выражается в языке, – её достаточно интуитивно ощущать («на правду нет слов»).

«Право» же вне языкового выражения немыслимо. Оно, действительно, вырастает из потребности разъяснения и комментирования переставших соответствовать реалиям жизни установлений. Его задача – регламентировать посредством единых для всех «правил игры» общественную жизнь и тем самым делать её приемлемой в плане безопасности, надёжности и предсказуемости. Но успешно выполнять эту свою задачу на протяжении тысячелетий «праву» удавалось только лишь потому, что оно – бессознательно для самого себя – постоянно подпитывалось традиционной ценностью – интуитивно постигаемой «правдой».

К сожалению, внешняя неочевидность такой подпитки породила иллюзию самодостаточности «права», а вслед за иллюзией самодостаточности – и тенденцию к самопровозглашению «права» высшим и единственно разумным регулятором общественных отношений. В рамках этой тенденции «право» стало отказывать в доверии абсолютно всем не поддающимся формализации ценностям, и в первую очередь – интуитивно-ощущаемой «правде» (именно о таком отказе свидетельствует известная формула «разрешено всё, что не запрещено законом»). Но при этом тут же обнаружилось, что «право», не подпитываемое «правдой», «совестью», «справедливостью», «нравственностью», поистине обречено делать формально-юридические «правила игры» бессовестными и подлыми.

«Право без правды» – это выражение претензии на то, что уровень и качество сегодняшних представлений о мире вполне достаточны, чтобы быть положенными в основу регламентации всего человеческого жизнеустройства. То есть, это заведомо безнадежная попытка втиснуть многомерную жизнь в ограниченный набор языковых формул. Ведь «право» считается тем развитей, чем больше в нём таких формул; но чем больше в нём формул, тем больше возникает и противоречий между ними («война законов»). И всеми этими противоречиями порождается повседневный абсурд самонадеянного «права, игнорирующего правду».

А вот с “правдой” сложнее; “правда” – это до сих пор культурно-историческая загадка. Дело в том, что если отбросить третьестепенные смыслы слова “правда” (как союза “хотя”, “конечно”, или как синонима утверждений “да”, “так”, “истинно”, “согласен”, “бесспорно”), то всё общее, что объединит остальные смыслы этого слова, окажется сводимо к представлению об “истине, включающей в себя как неотъемлемую составляющую нравственное начало” (что и делает эту истину отличной от “истины в формализованных языках” или от “истины в её юридической трактовке”). Такое представление о “правде” приложимо к самым разным уровням бытия: от уровня мыслей, слов и дел отдельного человека до уровня языковой модели мира. Последний случай, указывающий на “правду” как на “принцип мироустройства” – самый интересный и в историческом, и в мировоззренческом отношениях, потому что о происхождении языковых моделей мира современное историческое языкознание до сих пор имеет весьма туманные (и сомнительные в плане доказательности) представления.

От понимания “правды как принципа мироустройства” мы унаследовали представление о невозможности жить без идеала. Отсюда – наше понимание “правды” как порядка, основанного на справедливости. Отсюда – такие смыслы слова “правда”, которые указывают на максимум положительных человеческих качеств: на честность, на совесть и т.д. Отсюда же – тесная связь слова “правда” с такими определениями, как “святая”, “сущая”, “истинная”. “Правда”, действительно, мыслится в русской языковой традиции как нечто вроде духовного маяка или компаса; поэтому “за правду стоят”, “за правду страдают”, “за правду идут на плаху”. Поступать же вопреки “правде” – значит обрекать себя на душевный дискомфорт (“правда глаза колет”) или даже на муки совести.

Отсюда же произрастает и традиционно-критическое отношение русского человека к “чистому праву” (“закон что дышло, куда повернёшь – туда и вышло”). Но считаться с тем фактом, что нарушения формальной законности ухудшают качество повседневной общественной жизни, необходимо. Поэтому в русской истории вырабатывается, а в русской литературе фиксируется уникальная модель отношения к жизни: “пострадать за правду”, – учитывающая одновременно требования и “правды”, и “права”. “Пострадать” – значит подчиниться “праву” (как “силе”); но за “правду”, т.е. сохраняя связь “правды” с “правом”. Самое ценное в этой модели – указание на нерасторжимость “правды” и “права”.

Но такая нерасторжимость означает, что невозможно одно поставить выше другого: “правду” выше “права” или “право” выше “правды”, – перекося в любую сторону всегда будет означать нарушение нерасторжимости, начало её распада. Например, правовая идеология, возведённая в ранг *высшего* регулятора общественных отношений, неизбежно начинает обнаруживать свою принципиальную несовместимость с жизнью по совести, по нравственности. Именно этим обстоятельством следует, видимо, объяснять тот факт, что **страны современного мира, пытающиеся сохранить под натиском “правовой культуры” свою ориентацию также и на традиционные духовные ценности, являются сегодня главными объектами политической клеветы, экономического шантажа и военной агрессии со стороны “цивилизованного” сообщества.** Очень хорошо сказал об этом

известный публицист С.Кара-Мурза: «У нас... идея права вытекала из правды. Что и называют тоталитарным мышлением»

Разумеется, и культ “чистой правды” тоже имеет тенденцию скатываться в иллюзию её самодостаточности. И обходится такая иллюзия обществу тоже недёшево: подобно тому как “право без правды” превращается в изощённо-подлую казуистику, так и “правда без права” вырождается – через начальный романтический период “робингудовщины” – в беспредельный бандитизм и в словесный блуд его теоретического обоснования (в форме концепций “революционной целесообразности”, “тождества произвола и божьего произволения” и т.д.). Поэтому единственная серьёзная альтернатива “иллюзиям самодостаточности” обоёго рода – это давно уже выстраданная нами **культура синтеза правды и права**. Хотя сама она в руки, конечно же, не упадёт. Заглянем, к примеру, в любую из отечественных энциклопедий, и мы увидим, что понятию “права” там всегда посвящён внушительный раздел, а вот понятия “правды” – фундаментальнейшего и необходимейшего для понимания сути русской истории – нет вообще.

Сегодняшнее “право” – это *символ веры* “цивилизованных” обществ (т.е. таких обществ, которые отказали в доверии интуитивно постигаемой “правде”). “Правда” же стала сегодня уже не столько символом, сколько пережитком, веры “традициональных” обществ (т.е. таких обществ, где по исторической инерции всё ещё сохраняется в народном сознании связь традиционных духовных ценностей с исторически меняющимися “правилами игры”). Поэтому соотношение “цивилизованности” и “традиционализма” сегодня – это соотношение агрессивного, *подлеющего* “права” и угасающей (уходящей в тайники человеческих душ) “правды”. Однако не нужно воспринимать это соотношение с обречённостью, потому что если излечиваются болезни тела, то почему на то же самое нельзя рассчитывать и в отношении болезней духа? Не забудем, что хотя истории как науки о жизни духа до сих пор и не существует, однако потребность в ней, как и предпосылки её появления в ближайшем будущем, начинают заявлять о себе всё более настойчиво.

Важнейшей из таких предпосылок и должно явиться представление о том, что “правда” и “право” – это два тесно взаимосвязанных друг с другом регулятора социальных отношений. Они не совпадают ни по природе (“правда” – понятие сущностное, а “право” – формальное), ни по функции (“правда” – цель, а “право” – средство достижения цели), ни по своим оперативным возможностям (“правда” принадлежит сфере стратегии, а “право” – сфере тактики). Но все эти вместе взятые несовпадения как раз и свидетельствуют о взаимодополнительности “правды” и “права”, об их необходимости друг другу: где нет “правды”, там её не обеспечит никакое манипулирование “правом”, а где нет “права” – там, в силу обычного человеческого неразумия, очень быстро будут затоптаны и “правда”, и “совесть”, и “нравственность”.

Если теперь, в свете вышесказанного, взглянуть на феномен “международного терроризма”, то легко увидеть, что он, наряду с другими деструктивными проявлениями современной жизни (в том числе с коррупцией), является прямым порождением той главной *болезни духа* “цивилизованного” мира, на которую указывал ещё Ф.И.Тютчев: «Известно идолопоклонство Запада перед всем, что есть форма, формула и политический механизм.

Идолопоклонство это сделалось как бы последней религией Запада» (Тютчев Ф.И. «Папство и римский вопрос с русской точки зрения»).

Правота тютчевского диагноза блестяще подтверждается на примере созданной Западом его *главной формулы* – “правовой культуры”. Именно односторонняя ориентация “цивилизованного” мира на “правовую культуру” является источником и причиной его принципиального неприятия любых ценностей, не поддающихся правовой формализации, его агрессивно-заявляемого **“права” на любую юридически оправдываемую несправедливость.**

В этом смысле чрезвычайно показательны редкие (очень редкие!) примеры того, как даже **относительно-справедливая** политика “цивилизованных” стран в отношении “традиционных” способна минимизировать террористическую деятельность, лишить её питательной почвы и материального базиса. Так, в середине XX в. «перед лицом реальной угрозы потерять своё влияние в Латинской Америке правящие круги США предприняли решительные шаги. Американский президент Дж. Кеннеди выдвинул концепцию т.н. “перехвата революции”, сработавшую впоследствии и в других частях земного шара. В соответствии с ней на континенте был создан так называемый “Союз ради прогресса”, с помощью которого **был дан толчок развитию местного латиноамериканского капитала, ориентировавшегося на внутренний рынок. Это позволило несколько улучшить положение населения латиноамериканских стран и снизить его недовольство засильем в их странах иностранного капитала и тесно связанных с ним местных олигархов ... Латиноамериканские вооружённые силы были ориентированы на так называемую “внутреннюю оборону”, предполагающую их оснащение и подготовку исключительно к борьбе с внутренним повстанческим движением. В результате принятых мер по “внутренней обороне” на Латиноамериканском континенте относительно крупные партизанские отряды были разгромлены...**» («Терроризм как угроза национальной безопасности. Отечественный и зарубежный опыт». М. 2003, выделено нами – Авт.).

Но это, разумеется, исключение из правила. В основном же программы борьбы с мировым терроризмом строятся исключительно с ориентацией на юридические формулы и законодательные акты. «Например, в докладе межведомственной комиссии по борьбе с терроризмом, созданной в США в 1985 г. Дж. Бушем, бывшим тогда вице-президентом, дано следующее определение: “Терроризм – это **противоправное** использование или угроза использования насилия против лиц или объектов для достижения политических или социальных целей. Обычно он направлен на запугивание или принуждение правительств, групп или отдельных лиц для изменения их политики или действий”.

В связи с событиями в Чечне в российской правящей элите происходит дрейф к такому же пониманию терроризма. Так, российский исследователь Л.А.Моджорян приходит к выводу о том, что “терроризм – это акты насилия, совершаемые отдельными лицами, организациями или правительственными органами, направленные на устранение нежелательных государственных и политических деятелей и дестабилизацию государственного **правопорядка** в целях достижения определённых политических результатов”.

Известные российские юристы Н.Б.Крылов и Ю.А.Решетов отмечают, что под “терроризмом в самом широком значении этого термина понимают акты насилия или угрозы насилием, цель которых – внушить страх и заставить действовать или воздержаться от действий в нужном террористам направлении”... Согласно Федеральному **закону** России “О борьбе с терроризмом” под последним понимается насилие или угроза его применения в отношении физических лиц или организаций, а также уничтожение (повреждение) или угроза уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающие опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, осуществляемые в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения, или оказания воздействия на принятие органами власти решений, выгодных террористам, или удовлетворения их неправомерных имущественных и (или) иных интересов» (там же).

Нетрудно заметить, что в чисто юридической трактовке феномена “международного терроризма” его специфика растворяется в представлениях об обычной, властной или противовластной, уголовщине. И далеко не случайно авторы процитированной выше книги признаются, что **хотя «основной формой противодействия терроризму должно стать устранение предпосылок, его порождающих», но «эти вопросы выходят за рамки данного исследования»** (там же). Притом, что на самом деле эти рамки определены уже заголовком исследования как предельно широкие, выходить из которых просто некуда.

5. Терроризм как выражение неадекватного понимания “свободы”

Итак, терроризм – это во многом следствие мировоззренческого конфликта между “цивилизованными” странами, ориентированными только на “право”, и “традиционными”, сохраняющими также и ориентацию на “правду” (на “истину, окрашенную нравственным началом). Но ведь и сам этот мировоззренческий конфликт является всего лишь видимым выражением двух принципиально различных пониманий *“личности”, “человеческого Я”*. В так называемом “цивилизованном” мире в культ возведено *“Я, сознательно отмежёвывающееся от не-Я”* (знаменитый западный “индивидуализм”), а в “традиционном” отчасти ещё сохраняет свои позиции *“Я, вполне сознательно считающее себя частью не-Я”*.

Но если по-разному понимается природа “Я”, то, значит, по-разному понимаются “права и свободы личности”. А, значит, по-разному понимается “долг по защите этих прав и свобод от терроризма”. А, значит, по-разному понимается природа самого “терроризма”.

Вот здесь-то и раскрывается смысл парадокса “цивилизованного терроризма в маске антитерроризма”: с точки зрения первого “Я” второе, действительно, должно выглядеть не более чем питательной средой для “тоталитаризма”, “терроризма”, “диктатуры” и прочих смертных грехов,

заслуживающих возмездия и искоренения. А с точки зрения второго “Я” первое с такой же неизбежностью должно выглядеть источником лицемерия, двойных стандартов и агрессии.

Так перед нами в полный рост встаёт проблема выбора, причём очень не простого, – поскольку “Я, отделяющее себя от не-Я”, уже давно и устойчиво позиционирует себя в современной культуре как единственно возможное, единственно мыслимое “Я”, а “Я, считающее себя частью не-Я”, столь же давно и устойчиво лишается права считаться “идентификатором личности” (см., например, многочисленные культурологические труды либерального направления, сводящие проблему становления “личностного начала” к проблеме становления индивидуалистического сознания). Мало того: выбор оказывается уже почти predetermined, потому что первое “Я” давно уже ассоциируется современным массовым сознанием со “свободой”, а второе “Я” – с “несвободой”. В чём, разумеется, есть логика: ведь свобода от общественных обязанностей и ответственности, действительно, даёт намного больше простора для личностного самовыражения, нежели её отсутствие.

Совершенно очевидно, что мы имеем здесь дело с “соблазном”, с “искушением” в самом что ни на есть традиционном смысле слова: ведь именно на почве “Я, отделяющего себя от не-Я”, происходит разрушение всех структурирующих общество связей, как и наоборот, именно и только на почве “Я, не отделяющего себя от не-Я”, возможны и само общество, и его безопасность. Примеры с экстремальными ситуациями это подтверждают. Например, в США – стране изначального культа индивидуализма – такие катастрофы, как суточное отключение света в Нью-Йорке или наводнение в Нью-Орлеане, сопровождались беспрецедентными актами массового мародёрства, непредставимого по своим масштабам в странах традиционной культуры.

Соблазн, о котором идёт речь, возникает от неразличения того, какая конкретная доля помех на пути к “свободе” производна от злоупотреблений власти, какая – от несовершенства человеческой природы, а какая – от сущности самой культуры (которая, по одному из её современных научных определений, есть нечто прямо противоположное “свободе”, а именно: есть “система ограничений, налагаемых на вседозволенность”, т.е. – и есть сама “власть”). При неумении различать все эти тонкости, действительно, очень легко соблазниться только тем, что лежит на поверхности, а именно: злоупотреблениями политической власти. – А тогда и возникает искушение уничтожить “власть несвободы” путём свержения “деспотии” (“тирании”, “самодержавия”, “тоталитаризма”, “диктатуры” и т.п.) и установления “свободного” политического строя. Заканчивается же уступка искушению всегда одним и тем же: эскалацией “вооружённой борьбы”, “политических переворотов”, “восстаний” и “революций”, лишь усугубляющих общественное неустройство.

В традиционных обществах прошлого очень хорошо осознавалась природа *соблазна свободы*, – почему там и предусматривалась возможность периодического “сбрасывания” общественных напряжений в форме освящённых обычаем праздников, допускавших на короткое время ту или иную форму и степень “асоциальности” (в частности, в форме карнавалов; см., например: Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура

средневековья и Ренессанса. М. 1965). Как и наоборот: позднейшие, избыточно зарегулированные “на дисциплину” общества всегда неминуемо разваливались (СССР).

Нам остаётся учесть исторический опыт, и в первую очередь – исторический опыт *отечественной культуры взгляда на свободу*. К нашему счастью, такой опыт имеется, хотя и совсем не там, где его по инерции ищут.

Дело в том, что наиболее адекватные оценки понятию “свободы” выносились в России не философами, а поэтами – начиная, конечно же, с А.С.Пушкина. И хотя ранний поэт ещё называет себя «пустынным сеятелем свободы», но уже к двадцати шести годам он осознаёт, что “свобода вообще” – это «призрак ложный», «слово, звук пустой»; что подлинную ценность представляет не эта, кружащая молодые головы абстракция, а только лишь свобода выбора собственной ответственной позиции («гордись и радуйся, поэт: Ты не поник главой послушной Перед позором наших дней...» – из стихотворения на память Андрея Шенье). Соответственно, и понятие “политической свободы” лишается уже в глазах Пушкина своего прежнего обаяния, потому что вне его остаются как бы все тончайшие внутренние состояния человека, питаемые духом бескорыстия, надежды и совестливости. Гораздо ближе теперь Пушкину взгляд на общественную жизнь как на нечто прямо противоположное вседозволенности; гораздо важнее в его глазах сознание того, что истинно-человеческого бытия не бывает без тягот бытия, потому что не бывает прав без обязанностей, свобод без ограничений. А это уже – принципиально новое качество мысли: *то, что раньше казалось “рабством”, “ущемлением прав и свобод личности”, теперь начинает выглядеть как “бремя культуры”, скинуть которое можно только лишь вместе с культурой*.

Поразительно (в сравнении с нынешней ситуацией), что перелом во взглядах А.С.Пушкина на “свободу” пришёлся на его очень молодой возраст – на начало 20-х гг. XIX века. А чтобы правильно понимать суть этого перелома, нужно вспомнить, что ещё в 1823 году, т.е. задолго до событий на Сенатской площади, А.С.Пушкин писал в частном письме по поводу одного из своих “антисамодержавных” стихотворений: «Это мой последний *либеральный бред*; я закаялся».

Что конкретно он имел в виду, объясняют записки графа Струтынского, сохранившего воспоминания А.С.Пушкина о своём разговоре с Николаем I в Чудовом монастыре. Цитируем этот источник (спорный в глазах некоторых пушкинистов, но чрезвычайно интересный в его сравнении с другими, менее спорными, источниками).

«Молодость – это горячка, безумие, напасть», – говорит Пушкин графу. «Её побуждения обычно бывают благородны, в нравственном смысле даже возвышенны, но чаще всего ведут к великой глупости, а то и к большой вине. Вы, вероятно, знаете, потому что об этом много писано и говорено, что я считался либералом, революционером, конспиратором, – словом, одним из самых упорных врагов монархизма и в особенности самодержавия. Таков я и был в действительности. История Греции и Рима создала в моём сознании величественный образ республиканской формы правления, украшенный ореолом великих мудрецов, философов, законодателей, героев; я был убеждён, что эта форма правления – наилучшая. Философия XVIII века,

ставившая себе единственной целью *свободу человеческой личности* и к этой цели стремившаяся всею силою отрицания прежних социальных и политических законов, всею силою издевательства над тем, что одобрялось из века в век и почиталось из поколения в поколение, – эта философия энциклопедистов, принеся миру так много хорошего, но несравненно больше дурного, немало повредила и мне. Крайние теории абсолютной свободы, не признающей над собою ничего ни на земле, ни на небе; индивидуализм, не считавшийся с устоями, традициями, обычаями, с семьёй, народом и государством; отрицание всякой веры в загробную жизнь души, всяких религиозных обрядов и догматов – всё это наполнило мою голову каким-то сияющим и соблазнительным хаосом снов, миражей, идеалов, среди которых мой разум терялся и порождал во мне глупые намерения. Мне казалось, что подчинение закону есть унижение, всякая власть – насилие, каждый монарх – угнетатель, тиран своей страны, и что не только можно, но и похвально покушаться на него словом и делом. Неудивительно, что под влиянием такого заблуждения я поступал неразумно и писал вызывающе, с юношеской бравадой, навлекающей опасность и кару. Я не помнил себя от радости, когда мне запретили въезд в обе столицы и окружили меня строгим полицейским надзором. Я воображал, что вырос до размеров великого человека и до чёртиков напугал правительство. Я воображал, что сравнялся с мужами Плутарха и заслужил посмертного прославления в Пантеоне!

...Но всему своя пора и свой срок. Время изменило лихорадочный бред молодости. Всё ребяческое слетело прочь... Я понял, что **абсолютная свобода, не ограниченная никаким божеским законом, никакими общественными устоями, та свобода, о которой мечтают и краснобайствуют молокососы или сумасшедшие, невозможна, а если бы была возможна, то была бы гибельна как для личности, так и для общества**; что без законной власти, блюдущей общую жизнь народа, не было бы ни родины, ни государства, ни его политической мощи, ни исторической славы, ни развития; что в такой стране как Россия, где разнородность государственных элементов, огромность пространства и темнота народной (да и дворянской) массы требуют мощного направляющего воздействия, – в такой стране власть должна быть объединяющей, гармонизирующей, воспитывающей и долго ещё должна оставаться диктаториальной или самодержавной,...» (Б.Башилов. «Пушкин и масонство»).

Конечным итогом этого духовного взросления Пушкина можно считать его изумительную строчку о *«безумстве гибельной свободы...»*

Близок А.С.Пушкину и Ф.И.Тютчев, с точки зрения которого одержимые идеей “свободы” декабристы были *«жертвы мысли безрассудной»*. В 1848 году в записке Императору Николаю I о положении Европы после Февральской революции он коснулся проблемы связи “свободы” и революционных потрясений. Его наблюдения особенно интересны тем, что соотносят “свободу” и “революцию” с “правом”.

«Человеческое “я”, – пишет Тютчев, – желая зависеть лишь от самого себя, не признавая и не принимая другого закона, кроме собственного изволения, словом, человеческое “я”, заменяя собою Бога, конечно, не составляет ещё чего-либо нового среди людей; но таковым сделалось самовластие человеческого “я”, возведённое в политическое и общественное

право и стремящееся, в силу этого права, овладеть обществом. Вот это-то новое явление и получило в 1789 году название Французской революции». И далее, переходя уже к событиям современности: «Февральский взрыв тем уже оказал миру великую услугу, что ниспроверг ходячие подмостки заблуждений, скрывавших действительность... Кто, например, не сознаёт ныне, какое смешное притязание выражалось в той премудрости нашего века, которая наивно вообразила себе, что ей удалось подавить Революцию конституционными заклинаниями, обуздать её страшную энергию посредством формулы законности? После всего того, что произошло, кто может ещё сомневаться, что с той минуты, когда революционное начало проникло в общественную кровь, все эти уступки, все эти примиряющие формулы суть не что иное, как наркотические средства, которые могут, пожалуй, на время усыпить больного, но не в состоянии воспрепятствовать дальнейшему развитию самой болезни» (Тютчев Ф.И. «Россия и революция»).

А вот гениальные строки Тютчева о самой “болезни”:

*«Ужасный сон тяготел над нами,
Ужасный, безобразный сон:
В крови до пят, мы бьёмся с мертвецами,
Воскресшими для новых похорон.*

*Осьмой уж месяц длятся эти битвы,
Геройский пыл, предательство и ложь,
Притон разбойничий в дому молитвы,
В одной руке распятие и нож.*

*И целый мир, как опьянённый ложью,
Все виды зла, все ухищренья зла!...
Нет, никогда так дерзко правду божью
Людская кривда к бою не звала!...*

*И этот клич сочувствия слепого,
Всемирный клич к неистовой борьбе,
Разврат умов и искаженье слова –
Всё поднялось и всё грозит тебе,*

*О край родной! – такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней...
Велико, знать, о Русь, твоё значенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей!»*

Не устояла и не одолела... Спустя ещё несколько десятилетий, пытаюсь осмыслить последствия захлестнувшего Россию разгула революционного террора и гражданской войны, Сергей Есенин напишет:

*«Хлестнула дерзко за предел
Нас отравившая свобода».*

На фоне таких беспощадно-резвых поэтических прозрений точка зрения известного философа Н.А.Бердяева на “свободу” как на “*безосновную основу бытия*” может показаться даже безответственно-инфантильной. И уж подавно есть что-то несомненно-провокационное в той безудержной романтизации “свободы”, которая давно стала чем-то вроде *штампа современного массового сознания*. Хотя для всех очевидно, что каждый очередной исторический всплеск этой “свободы” сопровождается всё новыми потоками крови, всё новыми актами насилия и уголовного беспредела. Во всяком случае, никак нельзя признать случайным тот факт, что трагические и позорные для России 90-е годы начались именно с трижды провозглашённого Бурбулисом в 1991 г лозунга “свободы”.

На эмоциональном уровне противостоять этому лозунгу очень трудно, – он, действительно, задевает какие-то глубинные струны души, особенно молодой, не умеющей различать в словах их внешнюю (“значения”) и внутреннюю (“смыслы”) стороны. Но учиться различать такие вещи надо, – хотя бы для того, чтобы не быть игрушкой в руках “кукловодов”. То есть, нужно учиться понимать, что “не всё то золото, что блестит”.

Можно ли, к примеру, назвать “свободой” возможность безграничного удовлетворения собственных *хотений*? – Да, если очень хочется. Но при этом не следует забывать и о том, что видимая лёгкость, с которой происходит подчинение соблазну именно такой “свободы” – это та самая обманчивая “лёгкость”, с которой подопытная крыса с вживлённым в её “центр удовольствия” электродом, забыв о еде и об инстинкте размножения, безотрывно нажимает носом на соединённую с электродом кнопку, – до тех пор, пока не сваливается замертво от истощения.

Это – классический пример “свободы вообще”. Но – не “свободы личности”, потому что *здесь нет “личности”, а есть “потребитель удовольствий”*, каковым может быть и животное. Между тем именно такая *зоологическая* свобода и является идеалом в глазах “*Я, считающего себя ничем не связанным с не-Я*”. Именно такая свобода оборачивается отказом от нравственного поведения, от моральных обязательств, от ответственности и обязательств перед людьми. И именно ею порождаются абсолютно все проявления асоциальных форм “самовыражения”, включая наиболее опасную их форму – агрессивный экстремизм.

Изначальная предрасположенность человека (“социального животного”) к такой *зоологической* форме свободы и необходимость замещения её деструктивных проявлений конструктивными, как уже было сказано выше, хорошо осознавалась в традиционных обществах прошлого (как осознаётся и в некоторых современных западных политехнологиях). Но известно и то, что *зоологическая* свобода – это ещё далеко не вся мыслимая свобода, что есть и другая, *человеческая* свобода – свобода для мирного труда на собственное благо, на благо близких и общества, свобода творческого поиска, свобода самореализации на общественно-значимых путях, свобода радости созидания, свобода борьбы за справедливость, **свобода нравственного выбора**.

Эта *человеческая* свобода, вопреки клевете на неё, вовсе не обязывает растворять собственное “Я” в чужих, – она лишь напоминает, что всё, составляющее природу нашего “Я”, производно от тех “Я”, на основе которых

оно выросло и которые в себя впитало (а это – бесчисленные “Я” предков, родителей, современников). Соответственно, эта свобода вовсе не требует всегда и везде подчинять своё “Я” чужим. Наоборот, она вполне допускает подчинение чужих “Я” своему, но не как подчинение грубой физической силе, а как подчинение авторитету ума и совести, как подчинение *свободе выбора в пользу осознанной необходимости придерживаться духовно-нравственных ценностей*.

Человечеству – сообществу “социальных животных” – никуда не уйти от осознания необходимости синтеза зоологической и человеческой свобод (разумеется, при условии их чёткого различения, а также при условии замещения деструктивных проявлений зоологической свободы её конструктивными проявлениями). Истекшее столетие доказало это всей своей тупиковой практикой противостояния “свободного” и “несвободного” миров, где “свободный” мир потому лишь таковым и воспринимался, что обеспечивал выход потребности в *зоологической* свободе, а “несвободный” потому лишь и проиграл “свободному”, что вообще игнорировал эту потребность. Результат известен: *человеческая* свобода, свобода нравственного выбора, скомпрометирована сегодня как “несвобода”, а *зоологическая* свобода выдаёт себя за единственно-возможную, единственно-мыслимую свободу.

Стоит ли после этого удивляться, что *именно в XX столетии, с его безудержной политической демагогией на тему “свободы-несвободы”, необычайно активизировался и глобальный (международный) терроризм?*

Если не обуздаем политическую демагогию, если не дополним господствующее ныне зоологическое понимание свободы её человеческим пониманием, если не найдём какие-то *приемлемые для всех* формы взаимодействия обеих свобод – то не сумеем покончить и с эскалацией терроризма.

6. Терроризм как практическое претворение в жизнь безнравственных теорий

Очень важно раз и навсегда усвоить, что за чисто политическими и юридическими объяснениями сущности международного терроризма скрываются на самом деле самые актуальные, самые *больные* вопросы нашего сегодняшнего духовного бытия: нашего культурно-образовательного уровня, нашего морально-нравственного состояния, нашей способности адекватно воспринимать элементарные (казалось бы) понятия. А поскольку качество всех таких “вещей” находится в прямой зависимости от господствующих в обществе ментальных установок (идеологием, концепций, учений и теорий), то о них-то, а, вернее, об их способности стимулировать *болезни духа*, вплоть до агрессивного экстремизма, и нужно сказать несколько слов.

Теоретизирование в отрыве от нравственной проблематики – это в своих истоках исключительно западноевропейское явление, факт истории культуры, берущий начало в традициях европейского Предпросвещения и Просвещения.

Разумеется, данное утверждение ни в коем случае не следует воспринимать в духе вульгарного “антизападничества”. Нам гораздо ближе точка зрения на Запад как на *трагическую цивилизацию*: «Запад ставит на себе и, к нашему горю, на других, в том числе на нас, “эксперименты злом” и доходит в этом до края» (С.Кара-Мурза, С.Телегин. «Неполадки в русском доме». М. 2004). Речь идёт только лишь о том, что хорошо осознаётся и внутри самой западной культуры, а именно: о том, что «...современная Западная цивилизация проявила не только свою светлую, но и тёмную сторону, и в наше время эта тёмная сторона темнее самого тёмного пятна на страницах западной истории средних веков или даже эпохи религиозных войн» (А.Тойнби. «Цивилизация перед судом истории». М. 2003).

Как можно судить по контексту цитаты, Тойнби имеет в виду именно свершившийся на западноевропейской почве разрыв между рассудочным и этическим началами человеческого мышления.

Действительно, более ранние, “предпросвещенческие” конфликты хотя и имели своей основой всё ту же банальную борьбу за деньги и власть, но всё же старались при этом хоть как-то оправдать себя аргументами и мотивациями религиозного характера. Новое время решительно отказалось от этих последних сдерживающих человеческую агрессию скреп. Во-первых, иной стала сама религиозность, в первую очередь протестантская, с её точкой зрения на богатство как на признак “богоизбранности”, а на бедность – как на признак “богооставленности”. Только лишь в контексте подобной точки зрения и могла состояться та, сделавшая Запад могущественным, эпоха колониальных захватов, последствия которой для большей части народов планеты “аукаются” до сих пор.

Во-вторых, сама европейская наука возникла как выражение довольно-таки бездушного менталитета. «Поднявшийся ветер научных открытий сдул шелуху традиционной религии..., но порывы его были так сильны, что он сдул вместе с шелухой и зерно» традиционных ценностей (Тойнби). А вся мировая философия науки, от Ф.Бэкона до И.Пригожина, приняла и продолжает это принимать как должное (см. высказывание последнего: «Миром, перед которым не благоговеешь, управлять гораздо легче» – Пригожин И. «Философия нестабильности» // Вопросы философии. 1991.№ 6).

Порогом, за которым подобного рода умонастроения стали необратимыми, явилось в истории европейской науки создание дарвиновской теории эволюции. Уже наиболее проникательные современники Ч.Дарвина оценили эту теорию как умозрительную философскую конструкцию, удовлетворившую определённым тенденциозным запросам своего времени. А что это были за “запросы”, показал сам *оглушительный успех* теории, узаконивший именем науки все те формы “прогрессивного” человеческого поведения, которые уже не считали себя связанными оглядкой на совесть, на нравственность, на справедливость и вообще на “идеалы”, – для них достаточно стало опоры на безрелигиозное знание, на формальное право и вообще на “интересы”. То есть, **успех дарвинизма был обусловлен тем, что он, послужив естественнонаучной основой для материалистического взгляда на мир, тем самым легитимировал этот взгляд как научный, а, значит, легитимировал и главное в этом взгляде – выведенность духовно-нравственных ценностей за рамки политико-экономического “базиса”.**

Всё остальное – это уже бесконечные вариации на тему «что хочу, то и ворочу». Здесь и философия Гоббса, сводящаяся к идее “человек человеку волк”. Здесь и теория “общественного договора”, из которой равно следуют и право государства-“Левиафана” на насилие, и право общества на революционное разрушение “Левиафана”. Здесь и подготовленный “просветителями” якобинский террор Великой французской революции. Здесь и “бесы” Ф.М.Достоевского. Здесь и скрыто подразумеваемый расизм социал-дарвинизма, включающий такую его форму, как евроцентризм. Здесь и самая экстремистская модификация теоретического материализма – марксизм, и его практическое воплощение в жизнь – ленинско-троцкистский террор комиссаров. Здесь и “новый порядок” гитлеровского фашизма, и тот “новый мировой порядок”, «который США и англосаксы в целом строили и оформляли целое столетие, сняв маску в марте 1999 года» (Нарочницкая Н.А. Россия и русские в мировой истории. М. 2003). Здесь и санкционированная новейшими экономическими теориями политика правительства РФ – политика геноцида русского народа. Здесь и научно обоснованная всемирная диктатура свободного рынка, и грамотно с юридической точки зрения организованный террор либеральных СМИ, и маскирующийся под защиту исламизма “мусульманский протестантизм” ваххабитов.

Как заметил один современный политик: вслед за “химерой совести” неизбежно выкидывается за ненадобностью и “химера закона”. Уточним: выкидывается на строго “теоретических” основаниях, – чем и порождается в конечном счёте самый опасный, *информационно-идеологический терроризм*.

7. Терроризм как проявление бытовой безнравственности

Известно, что массовому сознанию свойственно воспринимать господствующие в обществе теории не на уровне их концептуальной сути, а на уровне клишированных формул и штампов. Никто из рядовых советских граждан, к примеру, никогда не изучал всю истматовскую теорию целиком; но в голове у всех “гвоздём” сидело, что “материя первична, а сознание вторично”. Или: едва ли кто из обывателей заглядывает в специальные труды по изучению зависимости поведения от его религиозной мотивации; но у всех на слуху, что “раз бога нет, значит – всё позволено”.

С одной стороны, такая “концентрация опыта” имеет свои положительные стороны; с другой – она открывает безграничные возможности для манипулирования общественным сознанием (особенно если учесть, что объективна лишь наука, но вовсе не сами учёные). Скажем, огромное большинство населения нашей страны позволило-таки средствам массовой информации убедить себя в том, что будто бы и вправду “политика вне морали”, “экономика вне морали”, “наука вне морали” (хотя на самом деле “внеморальными” бывают лишь те сферы деятельности, которыми монопольно завладевают “субъекты вне морали”). – А ведь отсюда следует, что это же самое огромное большинство населения страны само потенциально готово

жить и действовать по “внеморальным” правилам (насчёт “большинства” очень хотелось бы ошибиться).

Но в ситуации, где вся текущая общественная жизнь – вне морали и нравственности, источники и мотивы терроризма становятся вообще неразличимыми. Террористами (или их пособниками) оказываются в этой ситуации и российские генералы, продающие воюющей с ними стороне оружие, и “крышующие” мафию милиционеры, и не реагирующие на криминал в собственной среде работники прокуратуры. Под определение “террористов” (или их пособников) попадают и губернаторы, из-за воровства которых замерзают целые города, и госчиновники, отказывающиеся от контроля за миграционными процессами, и олигархи, “экономическая” деятельность которых подрывает государственную безопасность, и журналисты, чьими безответственными и подстрекательскими публикациями разжигается межнациональная рознь. Иначе как террористической (или способствующей террористической) нельзя назвать и проводимую непрофессиональными министрами политику, ослабляющую позиции государства на международной арене, и экспертную деятельность не соответствующих своим должностям и регалиям “учёных”, и разрушающую общественную нравственность деятельность хохмачей-эстрадников. Наконец, крайне опасной по своим целевым установкам выглядит пропаганда групповых форм экстремизма на основе деления общества по принципу “наши - не наши” (в этом смысле самый откровенный “террористический манифест” приходится усматривать в регулярно озвучиваемом по радио, на телевидении и на сцене *музыкальном агитпропе*: *«Не стоит прогибаться под изменчивый мир, пусть лучше он прогнётся под нас»*, – с завершающим торжественным прогнозом-утверждением *«однажды он прогнётся под нас!»*).

Всё это вместе взятое и является ничем иным, как *управляемым хаосом*.

8. Борьба с безнравственностью как профилактика терроризма

Как видим, предпосылки террористической деятельности, корнящиеся в специфических особенностях определённого (экстремистского) образа мышления, сначала материализуются в соответствующих идеях, концепциях, теориях и учениях, затем проходят “обкатку” в бытовых установках и штампах массового сознания, и лишь после этого, *взятые под опеку заинтересованной стороной*, находят своё воплощение в тех или иных формах управляемого хаоса. При этом необычайная сложность общей возникающей картины, слабая различимость в ней “цивилизованного”, протестного и уголовно-экстремистского аспектов существенно затрудняют выбор адекватной стратегии и тактики борьбы с международным терроризмом. Но одновременно мобилизуют на поиски выхода из сложившейся ситуации.

В первую очередь нужно понять, что **если международный терроризм представлен тремя основными своими разновидностями: 1 - “цивилизованной”, 2 - протестной и 3 - уголовно-экстремистской, то,**

значит, и теоретические платформы борьбы с ними должны вырабатываться применительно к каждой разновидности в отдельности. Скажем, в отношении уголовно-экстремистской разновидности терроризма, включая и тот её частный случай, который только лишь прикрывается фиговым листком *протестности*, безусловно уместно соблюдение всех международных соглашений и договорённостей по борьбе с терроризмом (не говоря уже о необходимости текущей работы по совершенствованию методов борьбы с конкретными проявлениями *такого* терроризма). А в отношении “протестной” разновидности терроризма нужно вести себя более разборчиво, исходя в первую очередь из соображений собственных интересов и национально-государственной безопасности, – с учётом специфических особенностей каждого из таких “протестов”.

Сложнее ситуация с “цивилизованным терроризмом в маске антитерроризма”, силовое противостояние которому по ряду понятных причин заведомо исключено. Здесь, видимо, нужно исходить из того, что раз “цивилизованный терроризм” использует “маску антитерроризма” – значит, существует нечто, что мешает ему действовать без маски, открыто.

Логично предположить, что это “нечто” – **нравственный инстинкт народов (т.е. взгляд на мир с позиций “не вреди себе, соседям, среде обитания”)**, подспудно сохраняющийся в общественном сознании вопреки разлагающему влиянию проплаченных СМИ. А отсюда становится ясна *стратегическая* линия борьбы с “цивилизованным” терроризмом: **противостояние ему на предпосылочном уровне должно принять форму идеологической борьбы за умы и сердца людей, за торжество традиционных идеалов справедливости, совести и нравственности.**

Конкретно речь должна идти о том, что нравственность – это цивилизационная ценность намного более всеобъемлющая, нежели права и свободы личности. Где нет нравственности, там нет обязанностей и ответственности, а, значит, там права и свободы оказываются камуфляжным прикрытием для эгоистических устремлений – *правами и свободами для немногих*. Где нет нравственности, там не может быть ни государственной, ни национальной безопасности (безнравственные спецслужбы не эффективны в принципе), ни здоровой семьи, ни гармоничного развития общества, ни внешнеполитической предсказуемости. **Нравственность является единственной реальной основой противодействия любым антигуманным идеологиям, включая фашистскую идеологию.** Нравственность несовместима с двойными стандартами, с коррупцией, казнокрадством и уголовщиной; она предполагает уважение человеческого достоинства, оздоравливает общественную атмосферу, придаёт смысл жизни.

Нравственность, если она искренняя – это абсолютно бесприкрытый козырь в той политической игре, где ставкой является поддержка общественности, симпатия миллионов людей. И это та единственная общепризнаваемая ценность, которую можно противопоставить лицемерной (в силу её сознательной односторонности) идеологии прав и свобод личности на самых высоких уровнях международного сотрудничества.

Разумеется, принятие идеологии нравственности будет означать и готовность к борьбе за неё. Причём в первую очередь – в нашем собственном общем доме.

Мы не питаем иллюзий насчёт реального положения вещей и признаём, что «нравственность, как и талант, даётся не каждому» (А.С.Пушкин). Но мы считаем при этом, что не имеем права закрывать глаза на те отрицательные последствия, которыми оборачивается для подавляющего большинства наших граждан отсутствие нравственности у их меньшинства. Произошедший в стране **нравственный холокост**, необычайно высокий уровень деморализованности нашего сегодняшнего общества, крайняя степень скомпрометированности, опошленности понятий “порядочности”, “совестливости” и “нравственности” безнаказанностью тех, кто все такие понятия демонстративно попирает, вынуждает нас искать какие-то новые слова и подходы, какие-то новые организационные формы, способные придать традиционным ценностям живительные импульсы. А моральное право на защиту нравственности как традиционной ценности нам даёт обоснованный в предыдущих работах взгляд на проводимую сегодняшней российской властью политику как на курс, насаждающий и легитимирующий под предлогом “деидеологизации” самую обычную “идеологию агрессивной безнравственности” (см.: «Нравственный путь безнравственной цивилизации», 2005; «Демократия умерла? Да здравствует демократия!», 2006; «Глобальное управление и принцип нравственности», 2006).

Отсюда – наша практическая позиция: мы вполне отдаём себе отчёт в необычайной сложности вопросов, связанных с проблемными аспектами культурно-исторической категории “нравственности”. Но мы понимаем и то, что реально наблюдаемая нравственность, воплощённая в практическом поведении людей, нуждается не столько в академической, сколько в общественной оценке. Поэтому в качестве генерального (но вовсе не единственного) направления своей работы мы сознательно выбираем область нравственности как операциональной категории, определяя её как “ненанесение ущерба себе, окружающим и среде обитания, гармонию духовных и материальных устремлений и действий, баланс прав и обязанностей”.

При таком выборе угла зрения в центре внимания оказывается связь нравственности как безусловной традиционной ценности с живой управленческой практикой. А критерием соответствия управленческих решений нравственным стандартам становится **очевидность их социально-ориентированного характера**.

Поясним. Любая власть всегда стоит перед альтернативой: или она действует в интересах всего общества, делегировавшего ей властные полномочия, или же она из собственной корысти пренебрегает его интересами. Социально-ориентированной, а, значит, безусловно *нравственной* и, значит – подлинно *демократической* (будем исходить из собственного внутреннего смысла этого слова, а не из политических спекуляций на данную тему) может считаться лишь власть первого типа. Второй же тип власти по всем параметрам подпадает под определение *безнравственного* и *антидемократического*, – какими бы внешними атрибутами демократичности он при этом ни прикрывался.

Если говорить о реально сложившейся ситуации в нашей стране, то мы определяем её как неустойчивую. Глупости и преступления начального периода демократии сильнее всего ударили по нравственной составляющей власти, что катастрофически отразилось и на её собственной дееспособности,

и на духовно-нравственном состоянии общества. В то же время понижение качества управления – как следствие утраты нравственной составляющей – не устраивает и саму власть, а точнее – ту её часть, которая пока ещё сохраняет желание стать настоящей, а не марионеточной, декорационной властью. Существует явная заинтересованность этой части власти в **восстановлении** такого порядка вещей, при котором к существующим рычагам управления – административному и правовому – можно было бы добавить рычаги “нравственного осуждения” и “нравственного принуждения”. Вот здесь-то и открываются возможности для манёвра на бюрократическом поле.

Дело в том, что бюрократия по своей природе безынициативна; но в силу обстоятельств она неожиданно для себя стала неформальным господином положения, вершителем судеб страны. Свалившаяся на неё с неба бесконтрольность поведения привела общество к ситуации, где весь бюрократический аппарат сверху донизу, хотя и с известной неравномерностью, оказался пропитан агрессивной и невежественной безнравственностью (что само по себе не удивительно: ведь революции совершают романтики [= честные дураки], а их плодами пользуются – до поры до времени – негодяи и мародёры). Это – издержки эпохи Перемен, и они ничего общего не имеют с той демократией, которая нам нужна.

Строго говоря, агрессивная и невежественная безответственность бюрократического аппарата – проблема всемирная. Другое дело, что лидеры российской демократии обязаны разрешить её в исторически короткие сроки, дабы вообще не исчезнуть с лица земли.

Истинная демократия, как в России, так и в любой другой стране мира, может покоиться только на прочном фундаменте общественной и индивидуальной нравственности. Соответственно, и “свобода” должна быть понята как “осознанная необходимость руководствоваться нравственным принципом”.

Исходя из такого понимания “демократии” и “свободы”, мы в сложившейся обстановке определяем свою стратегию следующим образом:

1. Должен быть восстановлен приоритет духовно-нравственного начала над всей политико-административной сферой с её исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти;

2. Комплектование и ротация кадров во властных структурах должны осуществляться с учётом критерия нравственности;

3. Должна быть разработана эффективная процедура удаления из власти должностных лиц, деятельность которых вступает в противоречие с принципом нравственности – лиц, дискредитирующих саму идею государственной власти.

Это – самый существенный момент в программе действий по выводу страны из поразившего её кризиса нравственных устоев: **власть должна взять на вооружение принцип нравственности как дополнительный рычаг управления. И она непременно возьмёт его – если только она захочет (а мы убеждены, что захочет) оставаться властью.**

Наши конкретные предложения заключаются в разработке таких организационных форм диалога между представителями власти и общественности, которые эффективно совместят в себе юридическую, практическую и нравственную компоненты. Суть этих организационных форм сводится к повышению роли Государственно-общественных научных

экспертных советов (ГОНЭС), которые, во-первых, сделают невозможным принятие правительственных решений на основе групповых кулуарных сговоров, во-вторых, придадут юридически-законную силу решениям общественности, в-третьих, обеспечат высокий профессиональный уровень этих решений и, в-четвёртых, изначально подчинят эти решения нравственному координирующему началу. Одновременно Государственно-общественные научные экспертные советы явятся источником и базой человеческого ресурса для того “углубления демократии”, которая выразится в усилении ротации кадров правящей бюрократии. И они же могут послужить основой для выполнения функции истинного (а не того, который создан для отвода глаз) Общественного совета при парламенте страны (о функциях ГОНЭС см. выше, в «Концепции борьбы с терроризмом», с. 12-13).

Самые первые шаги по реализации наших предложений уже сделаны. Они позволяют говорить как о факте о *матричной модели общественной самоорганизации*, могущей служить образцом для подражания и для “пересадки” в любую точку постсоветского пространства Российской Федерации. Назначение этой матричной модели – вдохнуть новые жизненные импульсы в прочно забытое на российской почве понятие “хозяина собственной страны” (подробнее об этом см. в «Предисловии» к нашей книге «Нравственный путь безнравственной цивилизации»).

Повторимся: решающая роль в исцелении России (и мира) от терроризма должна принадлежать нравственной государственной политике. Обществу должно быть возвращено духовное здоровье, должны быть приняты срочные меры по прекращению **нравственного холокоста**. Никакие “целевые программы” по “привитию” нравственности (патриотизма и т.п.) не заработают **без официального принятия и проведения в жизнь принципа нравственности и без создания на его основе нравственной атмосферы как принуждающей сверхвласти, пронизывающей все общественные институты.**

Российское же общество с его традиционно-обострённым чувством справедливости такую **сверхвласть** только поддержит. Речь идёт о практической “идеологии нравственности”, реально воплощаемой в общественном движении “Добровольцев нравственного пути”. В рамках последнего формируется упомянутое выше экспертное сообщество (ГОНЭС), на базе которого создаются советы по направлениям и проблемам профильных структур государственного управления, а также исполнительные органы ГОНЭС – гибкие и маневренные в организационном отношении структуры. Все они работают в соответствии со специальными положениями и подходят к решению задач общественного управления с нравственных позиций, взаимодействуя с существующей властью. Экспертное сообщество выступает, таким образом, в качестве своеобразного кадрового резерва для властных структур.

Всё остальное – вопросы техники, в том числе и техники использования человеческой безнравственности в нравственных целях. Представим себе, например, что власть взяла на вооружение принцип нравственности, в подтверждение чего совершила первые акты справедливости в виде *заслуженного* поощрения и наказания отличившихся руководителей. Будет ли это означать, что все остальные руководители тут же проникнутся нравственным началом и начнут исполнять свои обязанности с особым

рвением? Конечно же, нет. Но абсолютно представимо и прогнозируемо другое: видя, что система нравственного осуждения и принуждения работает и что она представляет угрозу для карьерного роста да и вообще для пребывания во власти, чиновники начнут “копать безнравственный компромат” друг на друга, чем полагат начало процессу “самовыдавливания” из власти наиболее одиозных представителей собственной среды, процессу нравственной самоорганизации власти.

Пора, наконец, учесть, что Россия – страна традиционно мощной бюрократии, справиться с которой можно только одним способом (если исключить физические репрессии) – путём её подчинения идеократии, власти “идеи нравственности”. А для этого и нужно то “углубление демократии”, которое выражается в усилении ротации управленческих, бюрократических кадров с привлечением к общественному управлению квалифицированных людей, оказавшихся “за бортом” принятия решений. С новыми же кадрами можно будет надеяться на изменение в лучшую сторону не только направления бюрократической деятельности, но и критериев её оценки. Ведь и сами эти новые кадры должны черпаться из экспертного сообщества – альтернативного бюрократическому образованию, формируемого уже под прессингом идеологии нравственности и пополняемого за счёт не востребовавшихся (или недостаточно востребовавшихся) забюрократченным обществом профессионалов.

Только идеологический прессинг на бюрократию может сегодня гарантировать нормальное функционирование *нравственного бизнеса* (бизнеса, которому можно будет предоставить разного рода льготы: госзаказы, лицензии на разработки недр, допуск к масштабным государственным проектам и др.). Только он может положить конец искусственной дебилизации и оскотиниванию через СМИ населения страны; только он может воспитать в членах общества отношение к богатству как к условию больших творческих возможностей и большой ответственности. **И только он, через возвращение в жизнь социальных гарантий, может предупредить возникновение в обществе агрессивной напряжённости как предвестия перманентного терроризма – гражданской войны всех против всех.**

Говоря о борьбе за умы и сердца людей, нельзя также обойти вниманием и момент “угрозы русского фашизма”. Только слепой не заметит, что пропаганда этой “угрозы” исходит главным образом из тех кругов нашей общественности, которые так или иначе причастны к свершившемуся в стране **нравственному холокосту** (или греют на нём руки). А поскольку именно этим кругам принадлежат сегодня в большей своей части отечественные СМИ, то мы, действительно, оказываемся перед очень серьёзной угрозой внутривластной дестабилизации. Мы видим, например, как из тысяч ежедневно совершаемых в стране уголовных правонарушений тенденциозно выхватываются и раздуваются лишь те единичные “дела”, на которые можно приклеить ярлык “совершённых по мотивам национальной ненависти”. Мы видим, как на социальный протест обездоленной, лишённой достоинства будущей молодёжи ставится клеймо “фашистско-экстремистских бандформирований”. Мы видим, как на абсолютно здоровое в своей основе неприятие безнравственного поведения отдельных представителей нерусской национальности навешиваются бирки “национализма” и “ксенофобии” (т.е., **неприятие чужой безнравственности подменяется, с явно подлой, далеко**

идущей целью, неприятием чужой крови). Наконец, мы видим, как извращается даже в школьных учебниках сама русская история – под углом придания ей вида “угрозы цивилизованному миру”. Всё это делается сознательно и целенаправленно, в надежде вызвать неконтролируемый взрыв народного возмущения, чтобы опять-таки квалифицировать его как “нецивилизованный”, “погромный”, “фашистский” и т.д.

Разжигание “антифашистской”, а, по сути – откровенно фашистской истерии стало возможным лишь в условиях разрушенности социально-ориентированного государства и его культурных институтов. А цель “антифашистов” – окончательная компрометация понятия “патриотизм” и окончательный подрыв устоев русской государственности. **Противопоставить же всему этому можно только одно: консолидацию общества и власти на основе предлагаемого нами усиления ротации управленческих кадров (за счёт использования человеческого ресурса Государственно-общественных научных экспертных советов), на основе оздоровления ситуации в СМИ, на основе широкого разъяснения общественности нравственного смысла происходящих в стране событий.** Сегодня только эти меры способны вернуть доверие к власти, сплотить общество вокруг неё. И только они способны удержать Россию на пороге скатывания в пучину “управляемого хаоса по имени международный терроризм”.

Что касается внешнеполитического аспекта проблемы борьбы за умы и сердца людей, то он решается на путях использования средств новейших информационных технологий. Известен оптимистический прогноз лидеров силиконовых технологий, что в самое ближайшее время (в течение двух-пяти лет) большинство людей планеты сможет общаться с внешним миром через сеть информационной паутины, без посредства громоздкого компьютера и, главное, клавиатуры. Достаточно будет иметь навык пользования мобильным или стационарным телефоном. – Но тем самым открываются широкие перспективы для создания системы планетарного межэкспертного дискурса на основе всем понятного принципа нравственности, а не с позиций силы.

Речь идёт о том, что деструктивность *управляемого хаоса*, воплощённая, помимо других своих форм, в манипулятивных технологиях – это реальность, которой, действительно, необходимо противопоставить нечто конструктивное. А противопоставить им можно только тот “краеугольный камень” традиционных ценностей, который выпал из поля зрения “правовой культуры”.

Известно: чем с большим количеством культур приходится иметь дело, тем меньше возможностей остаётся для каких-то надежд на директивный стиль общения между светской властью и народами. И наоборот: чем на большее количество людей приходится оказывать влияние, тем всё более весомым становится качество организации духовного взаимодействия, духовной власти. А вывод отсюда напрашивается один: похоже, что построить единую централизованную систему управления мировым информационным полем нельзя из-за различий культур, укладов и религий. **Но можно построить систему разрешения конфликтов на основе общих для подавляющего большинства населения планеты духовно-нравственных ориентиров и ценностей.**

Идея построения такой системы состоит в том, чтобы **навести нравственный порядок в мировом масштабе.** Мы считаем, что в

современном мировом образовании отсутствует систематическая нравственная компонента и что как важнейшая часть системы образования она должна быть включена в процесс воспитания во всём цивилизованном мире. Мы считаем, что **именно и только она обеспечит** в конечном счёте решение **любых** мировых проблем. Поэтому крайне необходимым представляется создание глобальной системы непрерывного нравственного воспитания субъектов (детей, подрастающего поколения и взрослых), в том числе и через мировую информационную сеть.

Под всемирным (глобальным) обществом нравственности (проект ГЛОН – GLON) мы понимаем общество, взаимоотношения в котором основаны на соблюдении нравственного принципа. Это общество, признающее над собой главенство верховного координирующего начала – идеи нравственности, идеи построения общества нравственных отношений. Такое координирующее начало человечеству необходимо для элементарного выживания. Потребность в нём ощущается уже потому, что *безнравственные* глобализационные процессы в мире зашли слишком далеко (терроризм – самое “громкое” их проявление). Конечно, идеал запределен, к нему можно приближаться сколь угодно долго, но на индивидуальном уровне, на уровне каждого отдельного человека вопрос нравственного поведения решаем. Скажем, решение стать нравственным человек вполне может принять хоть «с понедельника», хоть с «нового года», и не только принять, но и следовать ему в течение всей жизни. Другое дело, что жизнь в обществе накладывает всевозможные ограничения даже на самые благие намерения. Потому-то мы и говорим об асимптотическом приближении к идеалу. Но это не значит, что идеал нравственного устройства общества лишён какой бы то ни было конструктивности, не имеет инструментов практического воплощения (как это, скажем, случилось с идеей коммунистического строительства, где все строили коммунизм, но никто конкретно за это самое строительство не отвечал).

Разумеется, своё практическое претворение в жизнь такой идеал способен обрести лишь в порядке внедрения в общественную жизнь существенных, а не формальных, принципов демократии. А это означает:

- вовлечение огромного количества квалифицированных специалистов в процесс принятия решений;
- расширение прав и полномочий общественности за счёт организации её всесторонней информированности и вооружения общественности реальным знанием о состоянии дел в обществе, о перспективах, о научно обоснованных прогнозах;
- повышение возможностей общества, заинтересованного в незыблемости нравственных устоев, в защите их от злонамеренных устремлений и действий безнравственных личностей.

Очевидно, что в данном подходе нет никакой угрозы свободе личности (если считать, что **свобода – это осознанная необходимость придерживаться нравственного принципа, делать нравственный выбор**). Наоборот, в нём заложены вполне определённые инструменты расширения возможностей уйти от тотальной безысходности, порождаемой несовершенством общественных отношений и коррумпированностью органов государственной власти. А всё это вместе взятое даёт нам право говорить о

принципе нравственности как об универсальном координирующем начале Культуры (с большой буквы).

В глобализованном информационном обществе традиционные механизмы согласования и решения конфликтов исчерпали себя. От совещаний, конференций и форумов **необходимо переходить к перманентному сетевому дискурсу**. Эксперты будут осуществлять глобальный дискурс, планетарное согласование и решение конфликтов в ГЛОН на основе всем понятного принципа нравственности, а не с позиций силы, не с позиций максимизации материальных выгод отдельных субъектов. Это позволит сконцентрировать ресурсы на действительно важных для выживания проблемах, подавляя безнравственные субъективные приоритеты.

Руководствуясь принципом нравственности, общество в рамках проекта ГЛОН получает возможность обсуждать, а всякий гражданин **знать нравственные рейтинги политических фигур, корпораций и государств**. Никто в ГЛОН не управляет формированием мнения экспертов. Доступно же им, квалифицированным специалистам, будет всё: и тексты газетных публикаций, и речи президентов, и поступки специалистов правоохранительных органов и судей. И даже деяния *священных коров* тотальной коррупции, каковых и в России, и в других странах накопилось изрядное количество. Все они станут доступны экспертным оценкам, исходящим из критерия нравственности.

Предлагаемый проектом ГЛОН механизм непрерывного дискурса по абсолютно всем интересующим общество проблемам позволит мягко, без революционных стрессов решать конфликтные ситуации. Никто не мешает декларировать политикам свои представления о политическом курсе и средствах достижения политических целей. Но манипулятивные технологии по мере распространения проекта ГЛОН останутся разве что уделом уголовного мира. Взвешенная экспертиза не замедлит с оценкой всех дел и начинаний политиков с момента оформления ими своих устремлений в письменном виде или публичной риторике.

Ещё совсем недавно данный проект выглядел бы просто фантастикой, но сегодня, с развитием техники сетевого общения, он стоит на пороге реальности. И задача номер один – не упустить время Перемен, время смены парадигмы представлений о мире и самом человеке.

Создание общества нравственности – это цель проекта ГЛОН. Средство – углубление демократии. Метод – воспитание индивидуальной нравственности. Инструмент – информационная среда, вооружающая общественное мнение объективным и всесторонним знанием происходящего. Прогнозируемые социальные последствия – оздоровление духовно-нравственной атмосферы путём привлечения нравственно-ориентированной научной общественности к процессу принятия решений, **смена парадигмы общественного развития с материальных приоритетов на духовные**.

В первую очередь ГЛОН используется для поддержки социальных, общественно полезных инициатив, и лишь во вторую – как система подавления безнравственных деяний руководителей.

ГЛОН – это инструмент углубления демократии и истинной свободы (как осознанной необходимости подчинить свою деятельность нравственному принципу), инструмент плавной ротации элит и

бесконфликтной смены властей. Важнейшая задача ГЛОН – укрепление власти, создание для неё таких условий, при которых она обслуживала бы общество, а не себя. ГЛОН побуждает власть к созиданию, приближает к народу, укрепляет, а не расшатывает её основы.

С открытой информационной средой системы ГЛОН работают все заинтересованные субъекты: СМИ, властные структуры, органы безопасности и др., на которые она сама оказывает обратное – нравственное – воздействие. **Опасное, тайное, становясь явным для общества, становится безопасным.**

Имея тысячи экспертов, рассматривающих все проблемы с позиций нравственности, мы можем формировать в рамках ГЛОН систему планетарного дискурса. Его техническое оснащение создаёт основу для возникновения идеологической *сверхвласти нравственности*, о сущности которой уже было сказано в начале настоящей работы. Нелишне повторить сказанное вновь.

В XX веке феномен *идеологической сверхвласти* заявлял о себе неоднократно. Один из его примеров даёт национал-социалистическая идеология разделения людей на “господ” и “рабов” – идеология, трагически отозвавшаяся в миллионах человеческих судеб минувшего столетия. Другой пример даёт коммунистическая идеология, прямо противоположная по заявленным идеалам первой – идеология построения общества социальной справедливости. Наконец, сегодня мы наблюдаем повсеместное торжество идеологии либерализма – идеологии свободы от нравственного поведения, от моральных обязательств, от ответственности и обязательств перед людьми: идеологии безграничной свободы во имя личного обогащения любой ценой. И жертв на совести этой третьей идеологической сверхвласти ничуть не меньше, чем на совести первых двух (особенно если учесть количество жертв международного терроризма).

Ясно, что стихийный перебор вариантов идеологической сверхвласти слишком дорого нам обходится. И уж если сама закономерность такого перебора принципиально неустранима, то имеет смысл поставить сам перебор под разумный контроль. А это означает признание той очевидности, что **никакой альтернативы идеологии сверхвласти нравственности у нас нет и не может быть.**

Вот здесь-то и оказывается востребованной система планетарного дискурса, воплощённая в проекте строительства всемирного (глобального) общества нравственности на основе новейших информационных технологий. Только **в рамках проекта ГЛОН** станет реально осуществим межэкспертный глобальный дискурс, планетарное согласование и решение конфликтов на основе всем понятного принципа нравственности, а не с позиций силы. Только в этих рамках удастся сконцентрировать ресурсы на действительно важных с точки зрения выживания большинства проблемах (включая проблемы “толерантности”, “ксенофобии”, “национализма”, “расизма” и др.). Только в них упадёт роль системы “закулисных” сговоров. Только в них **экспертные сообщества приобретут огромную, истинно демократическую власть.** И только в них **можно будет надеяться на обуздание рукотворного чудовища по имени “международный терроризм”.**

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ “ЛОХОТРОН”

(ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

В основе любых разновидностей “лохотрона” лежит одна и та же универсальная технологическая схема, суть которой заключается в умении манипуляторов переключать внимание игроков с объектов и процессов, представляющих действительный интерес, на объекты и процессы отвлекающего характера. Схема эта, как показывает практика, вполне приложима и к политическим играм. Мы видим, в частности, как внимание политических игроков усиленно отвлекается на “международный терроризм”, под которым предлагается понимать любое **противоправное использование насилия для достижения определённых политических или социальных целей**.

Почему данное определение международного терроризма представляется нам “лохотронным”?

Общественной жизни, начисто лишённой насилия, не бывает уже потому, что эгоистические устремления отдельных индивидуумов или их сообществ приходится сплошь и рядом подчинять общественному интересу. В этом смысле можно говорить о “правовом использовании насилия”, где “право” выступает в роли инструмента наведения общественного порядка. Но в наведении общественного порядка, *устраивающего всех*, “право” тоже не всесильно, поскольку является не более чем “юридически санкционированной силой”, – что означает: *кто сильнее, тот и устанавливает выгодные для себя “правила игры”*. Не удивительно поэтому, что “международный правовой порядок” оказывается сплошь и рядом *несправедливым*, а, значит, вызывающим ответную реакцию на него в форме социальных, национальных и прочих протестных движений. В этом смысле можно говорить о “противоправном использовании насилия в целях восстановления общественного порядка”. При этом обе формы насилия, и “правовая”, и “противоправная”, своим органическим взаимодействием и образуют смыслообразующий стержень того явления, которое принято называть “общественно-историческим развитием”.

Естественно, что если это взаимодействие заменить “монополией” на какую-либо одну из двух указанных форм насилия, то это будет означать, что система сдержек и противовесов нарушена и мир обречён на бесконтрольное, ничем уже не сдерживаемое насилие со стороны “монополизатора”. Что, в свою очередь, вызовет стихийную, непросчитываемую и потому вдвойне опасную ответную реакцию “обиженной” стороны.

Сегодня сильнее всех в мире та сторона, которая называется “золотым миллиардом” и которая, действительно, отличается необычайно высоким уровнем своего материального благосостояния. Благосостояние достигнуто за счёт неэквивалентного товарного обмена со странами всего остального мира, что вызывает недовольство этих стран, принимающее не всегда правовую форму. Однако благодаря своей экономической и военной мощи первая

сторона установила выгодные для себя “правила игры в права и свободы”, включив в эти правила и необходимость их защиты от недовольных (от голодных и бесправных). Монополизировав таким образом право на насилие, она предпринимает всевозможные меры для того, чтобы закрепить его за собой в глазах общественного мнения. Для этого она, с одной стороны, через подконтрольные СМИ демонизирует противную сторону – рисует её в глазах общественности главным и единственным потенциальным источником терроризма. С другой стороны, она подводит под своё *монопольное право на насилие* теоретическую базу в виде концепций “устойчивого развития” и “необходимости антитеррористической борьбы с международным терроризмом”, где первая концепция – это завуалированный запрет на экономическое развитие стран, не вошедших в “золотой миллиард”, а вторая – это запрет на силовое преодоление первого запрета.

Таковы правила игры в “международный лохотрон”, где все функции потенциальных игроков расписаны заранее: будешь играть – останешься в “политических лохах” (работая на “дядю” в ущерб себе), откажешься – будешь сам объявлен террористом или его пособником.

Ситуация осложнена тем, что в реальности она носит не столь “прозрачный”, как в вышеприведённом анализе, характер. Идеологическое прикрытие в форме “антитерроризма” необходимо “цивилизованному” (“золотомиллиардному”) сообществу потому, что выступающим от имени этого сообщества политикам свойственно нуждаться в моральном оправдании своих не всегда приглядных действий. А наиболее лёгкий путь морального оправдания для террориста заключается в объявлении “террористом” своей жертвы. Вот почему в самом идеологическом ярлыке “терроризма”, наклеенном на разного рода протестные движения в “нецивилизованном” (традиционном) мире, следует видеть опаснейший информационный терроризм, воздействующий через тенденциозные СМИ на сознание миллионов, навязывающий изначально ложные оценки и ориентиры.

Но промывание мозгов средствами СМИ – это деятельность, достигающая своих целей далеко не всегда (хотя бы в силу того, что мир – это арена для достижения довольно-таки разнонаправленных целей). Заставить людей поверить в то, что исходящий из “нецивилизованных” стран терроризм – это *единственное в своём роде, абсолютное зло*, средства массовой информации смогут лишь в том случае, если сама данная форма терроризма наглядно будет демонстрировать перед всем миром свою неприглядность. Вот почему широко используется *разложение разного рода протестных движений изнутри* уголовным элементом, проплаченным наёмничеством и т.д. Поощрение слияния террористических организаций с организованной преступностью, инициирование по всему миру разного рода марионеточных, провокаторских “организаций” и “движений”, призванных запугать, дезориентировать, отвлечь внимание, внушить ненависть и отвращение, создать образ “козла отпущения” – является важнейшей составной частью политики “цивилизованного терроризма в маске антитерроризма”. А наличие в странах “третьего” мира (в их городской среде) люмпенизированной, асоциальной кадровой базы терроризма, взращиваемой на почве нищеты, неграмотности и безработицы, в значительной мере облегчает эту политику.

Существенно и то, что все такие уголовно-экстремистские образования имеют тенденцию выходить из-под контроля, менять “хозяев”, вести свою собственную “игру”, прикидываться не тем, что они есть в действительности – чем в конечном счёте и определяется внешне-воспринимаемое лицо международного терроризма.

Всему этому государства-жертвы терроризма вынуждены противостоять. Но в процессе противостояния они наталкиваются на противоречие между реально наблюдаемым международным терроризмом, образуемым совокупностью его “цивилизованных”, протестных и уголовно-экстремистских форм (в их разнообразных комбинаторных сочетаниях друг с другом), и его официально-декларируемой, принятой в международно-дипломатическом обиходе трактовкой как только лишь противоправного (уголовно-экстремистского) явления. Это противоречие, конечно же, серьёзно затрудняет выбор адекватной стратегии и тактики борьбы с терроризмом. Но одновременно мобилизует на поиски выхода из сложившейся ситуации.

В первую очередь важно понять, что **если международный терроризм представлен тремя своими основными формами: 1 - “цивилизованной”, 2 - протестной и 3 - уголовно-экстремистской, то, значит, и теоретические платформы борьбы с ними должны вырабатываться применительно к каждой форме в отдельности.** Скажем, в отношении уголовно-экстремистской формы терроризма, включая и ту её разновидность, которая только лишь прикрывается фиговым листом *протестности*, безусловно уместно соблюдение всех международных соглашений и договорённостей по борьбе с терроризмом (не говоря уже о необходимости текущей работы по совершенствованию методов борьбы с конкретными проявлениями *такого* терроризма). А в отношении “протестной” формы терроризма нужно вести себя более разборчиво, исходя в первую очередь из соображений собственных интересов и национально-государственной безопасности, – с учётом специфических особенностей каждого из таких “протестов”.

Сложнее ситуация с “цивилизованным терроризмом в маске антитерроризма”, силовое противостояние которому по ряду понятных причин заведомо исключено. Здесь, видимо, нужно исходить из того, что раз “цивилизованный терроризм” использует “маску антитерроризма” – значит, существует нечто, что мешает ему действовать без маски, открыто.

Логично предположить, что это “нечто” – **нравственный инстинкт народов (т.е. взгляд на мир с позиций “не вреди себе, соседям, среде обитания”)**, подспудно сохраняющийся в общественном сознании вопреки разлагающему влиянию проплаченных СМИ. А отсюда становится ясна *стратегическая* линия борьбы с “цивилизованным” терроризмом: **противостояние ему на предпосылочном уровне должно принять форму идеологической борьбы за умы и сердца людей, за торжество традиционных идеалов справедливости, совести и нравственности.**

Конкретно речь должна идти о том, что нравственность – это цивилизационная ценность намного более всеобъемлющая, нежели права и свободы личности. Где нет нравственности, там нет обязанностей и ответственности, а, значит, там права и свободы оказываются камуфляжным прикрытием для эгоистических устремлений – *правами и свободами для немногих.* Где нет нравственности, там не может быть ни государственной, ни

национальной безопасности, ни здоровой семьи, ни гармоничного развития общества, ни внешнеполитической предсказуемости. Нравственность является единственной реальной основой противодействия любым античеловеческим идеологиям, включая фашистскую идеологию. Нравственность несовместима с двойными стандартами, с коррупцией, казнокрадством и уголовщиной; она предполагает уважение человеческого достоинства, оздоравливает общественную атмосферу, придаёт смысл жизни.

Нравственность, если она искренняя – это абсолютно бесприкрытый козырь в той политической игре, где ставкой является поддержка общественности, симпатия миллионов людей. И это та единственная общепризнаваемая ценность, которую можно противопоставить лицемерной (в силу её сознательной односторонности) идеологии прав и свобод личности на самых высоких уровнях международного сотрудничества.

ИНСТИТУТ
ПРАВСТВЕННОСТИ

ЦЕЛИ ИНСТИТУТА ПРАВСТВЕННОСТИ

Разработка и обеспечение внедрения моделей идеологического обеспечения корпоративной деятельности и организационного управления в системах государственной службы, общественной и частной предпринимательской деятельности.

Идеологическое обеспечение включает в себя разработку и обеспечение внедрения моделей корпоративных идеологий, моральных и этических стандартов профессиональной деятельности и поведения взрослых на основе фундаментального нравственного закона: ненанесение человеком ущерба себе, ближним, обществу, природе, восстановление и поддержание баланса духовных и материальных устремлений и действий, прав и обязанностей.

ЗАДАЧИ ИНСТИТУТА ПРАВСТВЕННОСТИ

1. Совершенствование форм и методов разработки и обеспечения внедрения «идеологии нравственности» в системах государственной службы, общественной и частной предпринимательской деятельности.
2. Поиск путей и способов совершенствования всех видов деятельности по обучению и воспитанию взрослых на основе фундаментального нравственного закона.
3. Научно-методическое сопровождение процесса нравственного обучения и воспитания взрослых, подготовка кадров, научная экспертиза деятельности взрослых.
4. Участие в организации взаимодействия с государственными, общественными и частными структурами и учреждениями. Разработка социальных инструментов и механизмов повышения уровня нравственной зрелости взрослых.

ФУНКЦИИ ИНСТИТУТА ПРАВСТВЕННОСТИ

1. Разрабатывает и совершенствует формы и методы идеологического обеспечения.
2. Осуществляет научно-методическое обеспечение процесса внедрения идеологии нравственности в деятельность взрослых.
3. Принимает участие в организации взаимодействия с другими профессиональными участниками процесса внедрения нравственного подхода в России и других странах мира через систему образования и научной экспертизы.

РЕЗУЛЬТАТЫ РАБОТЫ ИНСТИТУТА ПРАВСТВЕННОСТИ

1. Для государственных органов власти разработана модель управления на основе принципа нравственности.
 2. Для общественных организаций разработана модель общественно-государственной идеологии «идеология нравственности».
 3. Для частных организаций разработана модель идеологического обеспечения эффективной экономической деятельности на основе идеологии нравственности.
 4. В Санкт-Петербурге создан Государственно-общественный научный экспертный совет, в состав которого вошли 200 ученых и 150 представителей общественности для осуществления компетентного межведомственного надпартийного, наднационального, надконфессионального дискурса.
- Суть идеологии, принципа нравственности в том, что вся социальная действительность, общественные проблемы и насущные задачи рассматриваются, оцениваются и решаются с точки зрения фундаментального нравственного закона человечества: ненанесение человеком ущерба себе, ближайшему окружению, обществу и среде обитания, восстановление и поддержание баланса духовных и материальных устремлений и действий, прав и обязанностей.